Задонский паломник

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

№ 68 2009 год

Альманах издается по благословению Его Преосвященства Преосвященнейшего Никона, епископа Липецкого и Елецкого

Выходит с декабря 2000 г.

Учредитель:
Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь Липецко-Елецкой епархии Русской Православной Церкви

Адрес редакции:
399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14.
Телефон: (47471) 2-49-55

При перепечатке ссылка на «Задонский паломник» обязательна

Тираж: 5 000 экз.
Цена свободная.

Просьба не использовать издание в хозяйственных целях

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство:
ПИ №ФС77-21446 от 01 июля 2005 г.

Оставь любопытствовать, что делается в том или другом месте; озаботься узнать, при помощи слова Божия, что делается в душе твоей, к какой ты идешь окончательной цели, к погибели или ко спасению, на каком пути ты находишься, на пути ли праведных или на пути нечестивых?

Святитель Тихон Задонский

СОДЕРЖАНИЕ:

2 **«ПОКАЯНИЯ ДВЕРИ ОТВЕРЗИ МИ, ЖИЗНОДАВЧЕ»**
Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона

5 **ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ**
Избранные главы

7 **НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО**
Келейные письма. Письмо 4 и 5

8 **ПРИТЧА О БЛУДНОМ СЫНЕ**

10 **ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ**
Из воспоминаний о схиархимандрите Виталии

12 **ОН ВСЕХ ЛЮБИЛ...**
Слово на панихиде

17 **ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ**
Из бесед с кавказским пустынником
«У Бога нет лицеприятия»

22 **ИСТОРИЯ ИОАННО-КАЗАНСКОГО СЕЗЕНОВСКОГО МОНАСТЫРЯ**, ч. 6

25 **И БЫЛО В ТОТ ВЕЧЕР**
Рассказ. Валерий Лялин

27 **ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ**

28 **САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ОВЕЧКА**
Притча

«Покаяния двери отверзи ми, Жизнодавче»

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

Храм Казанской иконы Божией Матери, г. Лебедянь, 17 февраля 2008 г.

Сегодня вы слышали песнопения Великого поста: *«Покаяния двери отверзи ми, Жизнодавче»*. Мы просим Господа, чтобы Он открыл в нас токи слез покаяния, воздыхания, извинения пред Ним за свою жизнь и жизнь своих родных и близких.

Подготовка к Великому посту начинается Неделей о мытаре и фарисее. Вы хорошо знаете, как молились эти два человека, пришедшие в храм: один себе в осуждение, другой — во спасение. Мытарь получил оправдание, потому что молился со смирением и самоукорением. Поэтому и говорят святые отцы, чтобы мы имели молитву мытареву: *«Боже, милостив буди ми грешному»*. Эта молитва и есть покаяние, признание пред Богом себя человеком грешным.

Часто в жизни бывает, что мы смиряемся перед теми, кто в чем-то выше нас: должностью или званием, богатством или дарованиями, а кто ниже нас в этом — пред тем мы гордимся и тщеславимся. Кто-то гордится верою, считая, что она крепче, чем у других — кто редко ходит в храм, живет нехристианской жизнью, говорим, что и веры-то у них совсем нет. Многие недостатки свойственно замечать нам в людях, осуждать их и превозноситься пред ними, как это и делал фарисей.

«Мир весь во зле лежит» (1 Ин. 5, 19), — говорит нам святой апостол Иоанн Богослов, и действительно, сейчас мы все живем во зле. Злобные коварные страсти обуревают нас, одолевают, проникают в наше существо. И настолько сейчас люди преуспели во зле, что наши дела и поступки по жестокости превосходят уже жестокость бесов. Недаром одному святому отцу было открыто, как на жерди сидит бес и

болтает ногами. Спрашивает у него старец: «Что же ты ничего не делаешь?» А он отвечает: «Нам не нужно сейчас ничего делать, за нас люди делают»...

На Сретение Господне мы вспоминали события, когда праведному Симеону было открыто, что он не умрет, пока не увидит Христа. Триста лет он жил. Почему и воскликнул он с радостью: *«Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром...»*, когда Духом он был приведен в храм, и туда пришла Матерь Божия с Иосифом и Иисусом Христом Младенцем на сороковой день, чтобы исполнить нужное по закону. И вот эта встреча с Богом. Первым увидел Спасителя Симеон Богоприимец. И второй человек — Анна, восьмидесятилетняя пророчица, дочь Фануилова, которая неотступно служила при храме. Они двое увидели Бога. Хотя в храме, как вы знаете, обычно множество людей.

Но те не встретили Бога. Мы сейчас, подобно им, занимаемся житейскими попечениями, хозяйством, работой и о Боге часто забываем. А Он рядом с нами, но мы проходим мимо Него, как в тот далекий день многие люди не заметили Богомладенца.

Трудно нам надеяться на Божие милосердие, когда мы живем без Бога. Вы знаете, что когда жители села Гадаринского увидели, что бесы вошли в стадо свиней, и те утонули в Геннисаретском озере, то испугались и сказали Христу: *«Господи, отойди от предел наших»* (см. Мф. 8, 28-34). Хотя они видели рядом исцеленного бесноватого, который до этого жил при гробах, в склепах и сильно мучил здешний народ, и никто не мог с ним совладать... Им бы нужно, наоборот, позвать Спасителя: «Господи, приди в наши селения, помоги нам здесь исправиться, наставь нас на путь, который ведет ко спасению»...

А то еще бывает: помимо Господа, надеемся на всякие бесовские игрушки, их называют «оберег» и другие разные талисманы. И когда к нам приходит в дом священник и говорит: «Уберите это, у вас иконы, Господь будет беречь вас, а не какие-то побрякушки», да, мы убираем, но потом все равно возвращаем их на свое место.

Если вокруг нас идолы, истуканы, кумиры и талисманы, на которые мы привыкли надеяться, то мы уже находимся в зависимости от нечистой силы, от «барабашек» — от которых мы так стремимся избавиться. Но на деле мы только подчиняем себя и своих домашних им, которые суть демоны. Нашими же пристрастиями ко всяким суеверным «защитам» они и одолевают нас и заставляют делать то, что не положено делать. Как же, дорогие, после этого мы придем к Богу, как мы придем на встречу с Ним, когда мы уже другого бога встретили — бога мира сего, диавола?

И пусть не удивляют вас слова Господа, которые читаем в Священном Писании: «*Отец ваш диавол. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины*» (Ин. 8, 44). Это страшное определение о нас. А мы кому служим? Страстям, чреву своему, больше верим не Богу, а всяким суевериям и басням.

Объедение и пьянство, многоразличные попечения житейские не дают нам встретиться с Богом. Они не дают нам жить с Господом, как положено жить, чтобы мы бы всем сердцем, всей душою чувствовали Бога, особенно тогда, когда мы соединяемся в Таинстве Причастия с Ним.

Когда приходим в храм, то приходим на встречу с Богом. Но не будем, как ветхозаветные люди — только двое увидели Христа и возрадовались, и воспели Ему, а остальные безразлично смотрели...

В Иерусалимский храм постоянно приносили младенцев, но дело не в этом, а в том, что чистые сердцем были готовы, а остальные... не увидели посещение их Богом. И с нами часто так бывает: приходим в храм, ставим свечи, крестимся на иконы, а встречи с Богом не происходит. Нет в нас жажды Бога, желания служить Ему, желание наследовать Царство Небесное. Отсюда мы редко открываем Священное Писание и книги святых отцов, редко посещаем церковные службы. А ведь здесь Господь устами священнослужителей и церковных певчих обращается к нам, зовет нас к Себе, а непокорным возвещает о грядущем суде — что ожидает нас.

И чтобы нам, дорогие, не уйти в «*в огнь вечный, уготованный диаволу и аггелом его*» (Мф. 25, 41), в Церкви установлено покаяние и пост. Когда мы постимся телесно и стараемся быть внимательными к себе, к своей совести, то у нас появляется чувство своей виновности пред Богом и ближними и слезы сокрушения, появляется покаяние, оживляется наша молитва.

Старые люди недаром говорили: «Сытое брюхо к молитве глухо». Когда мы накушаемся, то хочется лечь отдохнуть, поспать, появляется лень. Это равносильно, как и на молитве: становимся на молитву, и сразу спина заболела, голова что-то не такая стала, ноги стали печь. И сразу вспоминаем, что за день сделали и говорим себе: «Да я встретила соседку, целых два часа на улице простояла, а сейчас ноги меня не держат, еще то и то сделала... Да лучше я завтра поменьше буду нагружать себя, но исполню молитвы утренние, вечерние... Почитаю Псалтирь, Евангелие»... И ложимся спать...

Однажды старец, услышав звук военной трубы, говорит: «Наша страна ни с кем не воюет, и на нас никто не нападает, откуда же эти звуки?» Это были звуки горна, который поднимал народ на борьбу с неприятелем. Тут явился бес и говорит: «Как нет войны? Мы с вами воюем не на жизнь, а на смерть. Если не хотите воевать, то ложитесь спать». Вот мы и спим...

Мы не хотим воевать, мы не хотим принудить себя что-то сделать. Сделать поклон, помолиться, примириться с ближним, помочь кому-то в его нуждах и скорбях... И вот, дорогие, мы стараемся как-то обмануть Бога: и жить не по Его заповедям, а как нам хочется, и не попасть в страшное место вечных мучений. И трепещет, и трясется душа наша: каким испытаниям она подвергнется, что ее ожидает?..

Есть такая байка. Один человек умирает. Его Ангелы приводят в рай. Он говорит:

— Как же здесь хорошо и красиво. Благоухают цветы, все в зелени. Дворцы стоят хрустальные, серебряные, золотые. Какая красота! Но вы мне покажите и ад, что он из себя представляет.

Показывают ему ад. В одной комнате сидят юноши, в карты играют, курят. Во второй комнате — разные игры, казино. В третьей — пьют, едят... Эта душа и говорит:

— Да, похоже, мне здесь удобней, потому что к такой жизни я

привык. На земле я так и жил... Хочу остаться здесь!

— Да ты что, разве можно менять рай на ад?

— Нет, ну я вот этой жизнью жил, мне более подходит такая жизнь.

— Ну, как хочешь...

Тогда демоны берут его душу клещами и в котел с кипящей смолой. Он в крик:

— Куда, куда? Я там хочу быть!

А демоны говорят:

— У нас там агитпункт!

Но мы, испорченные советской пропагандой, не верим в загробную жизнь. Не верим священникам, не верим словам евангельским... Вот, если бы сейчас открылось Небо, и мы увидели там тех людей, которые в блаженстве живут. Или, хотя бы увидели ад, какие там мучения... Тогда бы мы поверили.

Но и тогда не поверим! Помните, дорогие, евангельскую историю о богаче и Лазаре. Лазарь при дверях лежал в струпьях. А богач каждый день устраивал пиры, но никто хлеба, даже крошки хлеба не давал больному Лазарю. Собаки были милосерднее людей — приходили и облизывали его раны. И вот умирают оба — богач и нищий Лазарь. Вы хорошо знаете, как в страшных муках богач, видя Лазаря на лоне Авраама, просит Авраама: «Отче, пошли Лазаря, у меня еще осталось пять братьев, они такой же, как и я, жизнью живут. Пусть скажет им, чтобы не жили так, иначе они наследуют муку вечную». А Авраам, что сказал? «У них есть Закон и пророки. Да и, если кто-то к ним придет, они не поверят» (см. Лк. 16, 19-31).

Не так давно над Ельцом явился Крест, на котором распят Христос —многие видели. Но кто принял это всерьез? Только глубоко верующие люди. А сколько еще являет Господь нам чудес и знамений, но многие ли из нас веруют? К большому сожалению, люди объясняют все это аномалиями природы или искажением фотоаппарата, или что-то случилось с пленкой — в общем, множество находится причин, чтобы сказать — все это миф, неправда.

Хорошо помнится мне фреска в Троице-Сергиевой Лавре, изображающая Страшный суд. Является Господь со множеством Ангелов, с Крестом, сияющим сильнее солнца, и первые воскрешаются мертвые, из гробов выходят. И стоит человек, за бороду ухватился и думает. О чем он думает и сожалеет? Да ему же говорили: «Бога нет, Неба нет. Живите и наслаждайтесь земной жизнью! И не верьте попам, которые говорят про посты, молитвы, воздержание...»

Да, дорогие, не заметите, как жизнь пройдет. Но на этом ничего не закончится. Это люди, воспитанные атеизмом, советской властью могут рассуждать, что после смерти ничего нет. А наша душа безсмертна. Поэтому и желаю, чтобы все наши дела и стремления — посты и молитвы, церковные службы, строительство храмов, жизнь по заповедям евангельским помогли бы душе определиться в вечной блаженной жизни. Аминь.

ГРАЖДАНИН

Святитель Тихон Задонский

Видим, что в этом мире человек, где он ни живет и где ни находится, называется жителем или гражданином того города, в котором дом свой имеет, например, московский житель — москвич, новгородский житель — новгородец и прочее. Так и истинные христиане, хотя в этом мире и находятся, однако же имеют город в Небесном Отечестве, «*которого Художник и Строитель Бог*» (Евр. 11, 10). И называются гражданами этого города. Город сей — Иерусалим Небесный, который видел святой апостол Иоанн в откровении своем: «*город был чистое золото, подобен чистому стеклу; улица города — чистое золото, как прозрачное стекло; и город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и Светильник его — Агнец*» (Откр. 21, 18, 21, 23). На улицах его непрестанно поется пресладкая песнь: *аллилуия*! (См. Откр. 19, 1, 3, 4, 6). В этот город «*не войдет ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни*» (Откр 21:27). «*А вне — псы и чароден, и любодеи, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду*» (Откр. 22, 15).

Гражданами этого прекрасного и пресветлого города истинные христиане и называются, хотя и странствуют на земле. Там они обители свои имеют, уготованные им Иисусом Христом, Искупителем их. Туда они душевные свои очи и воздыхания возводят из своего странствования. Поскольку в этот град не войдет ничто скверное, как мы выше видели, *очистим себя*, возлюбленный христианин, *от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божием*, по увещеванию апостольскому (2 Кор. 7, 1). И да будем мы гражданами этого пресветлого города и, уйдя из этого мира, удостоимся войти в него, благодатью Спаса нашего Иисуса Христа, Ему же слава с Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

Толкование на Евангелие от Матфея

Избранные главы

Вы есте свет мира... иже сотворит и научит, велий наречется...

(глава 5, зачало 11)

Весь мир помрачен грехом, говорит Спаситель Своим апостолам: вы должны просветить его светом Моим, посему ***вы есте свет мира***. Есть один только свет истинный, просвещающий всякого человека – Сам Он, Господь наш, как Он и говорит о Себе: *Аз есмь свет миру*. Но как солнце дает свет свой луне, так и Господь просвещает апостолов, а чрез них весь мир, всех людей, светом Своей благодати. Пророки посылались к одному какому-нибудь народу: апостолы во весь мир, поэтому они свет не одного народа, а всей вселенной – духовный свет всего мира. Свет солнца прогоняет тьму: так и апостолы проповедью Евангелия разогнали тьму идолопоклонства. Свет солнца не только светит, но и греет: так и апостолы благодатию Христовою согревали ожесточенные сердца людей и оживотворяли их к деланию добра. Поэтому Господь и говорит апостолам: не скрывайте Моей благодати, Моего спасительного учения, пользуйтесь им не для себя только, но и для спасения других.

Будьте осторожны, вы будете на виду у всех: ***не может град укрытися верху горы стоя***. Душа, украшенная добродетелями, приблизившаяся к Богу, не может укрыться от очей внимательных. Вы на то и избраны Мною, чтобы светить всему миру: ***ниже вжигают светильника и поставляют его под спудом*** – под сосудом: иначе для чего было бы и зажигать его? ***но на свещнице и*** светильник ***светит всем, иже в храмине суть***.

Итак, не словом только учите, но и делом, и добрым примером своим. Не сказал Господь: вы показывайте свою добродетель, – это не хорошо, так делали только тщеславные фарисеи, но сказал: ***тако да просветится свет ваш пред человеки*** – пусть сами собою светятся: ваша вера, ваша добрая жизнь. Пусть они будут так велики, чтобы и скрыть их было невозможно, хотя бы вы и старались всячески их укрывать от взоров людских. Всякое доброе дело само по себе светло, делай его тайно: его свет сам просияет, когда сие угодно будет Богу-Светодавцу. И в счастье, и в несчастье, и в богатстве, и в бедности, во всяком звании и состоянии пусть сияет ваша правая вера, ваша святая жизнь. Если хорошо будете жить, то будете способствовать к славе имени Божия, ***яко да видят ваша добрая дела*** самые враги ваши ***и***, удивляясь им, ***прославят*** – не вас самих, но ***Отца вашего, Иже на небесех***, – прославят за то, что Он повелел людям так хорошо жить. А худою жизнью и людей погубите, и подадите случай к хуле имени Божия. «Не сказал Господь: прославят Бога, – замечает святой Златоуст, – но Отца, указывая на то преимущество, которое будет даровано им». Кто сам живет добродетельно, тот и без слов учит лучше слова.

К преподобному Антонию ходили три старца: двое из них спрашивали его о спасении души, а третий всегда молчал. Однажды святой Антоний говорит ему: «Вот ты давно ходишь ко мне, почему же ни о чем не спрашиваешь?» Тот отвечал ему: «Для меня, отче, довольно и смотреть на тебя».

Но не к одним апостолам относятся слова Христовы: Спаситель учит всех Своих последователей и, во первых, конечно, тех, кто поставлен выше других: пастырей и учителей духовных, начальников и властных людей; чем выше стоишь ты, тем больше берегись соблазнять других дурным примером своим. Но пусть ты и не высоко стоишь, пусть ты и незнатен, и беден, и нищ: делай добро, какое можешь, и свет твоего добра просияет и согреет людей, близких тебе: и они прославят за тебя Отца Небесного.

Евангельская вдовица только две лепты опустила в сокровищницу церковную, но и это малое доброе дело ее стало всему миру известно, и будет вовеки сиять, как светлая звездочка, в том Божием небе, где и малая искра светлее здешнего солнца.

Далее Господь начинает подробно изъяснять: как нужно понимать Его новые заповеди? Эти заповеди были выше древнего Закона Моисеева, а народ, хотя и не исполнял, однако же любил этот Закон и почитал его священным, от Бога данным. И вот, чтобы Иудеи не подумали, будто Христос Спаситель Своим новым Законом отменяет и разоряет древний Закон Моисеев, Он вперед говорит им: ***да не мните*** – не думайте, ***яко приидох разорити закон, или пророки***, и еще с большею силою повторяет: ***не приидох разорити, но исполнити***. Законом Иудеи называли пять книг, написанных Моисеем, а Пророками все прочие книги Священного Писания Ветхого Завета, потому что все сии книги написаны пророками. Закон и Пророки – это значит все ветхозаветное слово Божие. «Знайте, – говорит Господь Иудеям, – Я не только не разоряю Закона Божия, но и Сам исполняю его; не только не противлюсь ему, но и вполне одобряю и принимаю его».

Господь исполнил Пророков тем, что в Своей жизни и делах совершил все, что те предсказали о Нем. А Закон исполнил, во-первых, тем, что не нарушил ни единой его заповеди: *беззакония не сотвори, ниже обретеся лесть во устех Его*; во вторых, тем, что исполнил все требования правды Божией за всех нас. Закон требовал от людей праведности, а люди не могли сами собою исполнить все предписания Закона и оправдаться пред Богом, Христос же Спаситель исполнил их и оправдывает нас верою в Него. В третьих, Он исполнил Закон тем, что дополнил его и научил людей исполнять не одну только букву Закона, но и самый дух его. И действительно, когда сравниваешь новый Закон Евангель-

ский с древним Законом Моисеевым, то ясно видишь, что этот древний был только тенью нового Закона.

Закон Моисеев говорил: *не убий*, а Христос говорит: не гневайся напрасно. Тоже и во всем прочем. Как живописец, поновляя картину, не счищает первого начертания на ней, а проясняет и дополняет его, так и Христос только прояснил и дополнил ветхий Закон. Даже ветхозаветный закон о жертвах Христос Спаситель исполнил и притом так, как не мог исполнить ни один ветхозаветный первосвященник: Он Сам принес Себя в жертву за грехи всего мира и чрез то сделал ненужными и потому навсегда отменил жертвы ветхозаветные, которые были только прообразом Его великой жертвы крестной. Но закон десяти заповедей Божиих дан для всех народов и на все времена, и кто исполняет заповеди Христовы, тот исполняет тем самым и ветхозаветные заповеди Божии. Поэтому Господь и говорит: ***Аминь бо*** – истинно ***глаголю вам: дондеже прейдет небо и земля***, доколе стоит этот мир, до конца века, ***иота едина*** – самая малая буква, ***или***, что еще меньше – ***едина черта***, то есть самое, по-видимому, малое предписание Закона Божия ***не прейдет от закона***, не будет отменено, ***дондеже вся будут*** – пока все будет исполнено, как непреложное слово Божие.

Фарисеи и книжники делили заповеди Божии на большие и меньшие, особенно могли показаться малыми, неважными те заповеди, которые Господь намеревался дать в продолжении беседы Своей, потому что эти заповеди говорят не о делах, а о тайных помышлениях сердечных, – но Христос говорит, что и эти грешные помышления мерзки в очах Божиих, что всякое слово в Законе Божием должно быть свято и ненарушимо, что делить так заповеди на большие и малые – тяжкий грех. Все заповеди важны и спасительны, и потому ***иже аще разорит*** – нарушит по пренебрежению хотя ***едину заповедей сих малых***, только потому, что она покажется ему неважною, ***и научит тако человеки***, научит и других так же рассуждать об этой заповеди, ***мний наречется в Царствии Небеснем***, то есть, по толкованию святого Златоуста, во время второго пришествия Христова, когда откроется Царство Небесное для праведных, таковой нарушитель будет меньшим, отверженным, последним, а последний без сомнения ввержен будет тогда в геенну. Ибо «возможно ли, – говорит святитель, – чтобы тот, кто назовет брата своего глупым, был ввержен в геенну, а кто нарушит весь закон и других научит этому, тот будет находиться в Царствии? Конечно, это невозможно, и потому *мний в Царствии Небеснем* значит: вовсе будет лишен Царства Небесного».

Итак, если отец делает худое при детях, если хозяин дает недобрый пример домашним, если начальник легкомысленно нарушает закон при подчиненных, – все они не только сами разоряют заповедь Божию, но и научают так других. Или, если своенравные Христиане ни во что ставят уставы церковные, и не только сами их не исполняют, но и другим внушают, что эти уставы – будто бы человеческие установления, что соблюдение постов, например, – неважное дело, – всем таковым, конечно, грозит оное слово Христово: *мний наречется* – негодным окажется таковой для Царствия Небесного...

Да и кто из нас может похвалиться, что он не нарушает ни единой заповеди Божией? Помни, христианин, что всякий грех, а наипаче грех соблазна делает человека сыном геенны; но не отчаивайся: кто вчера малым или великим грехом низвержен до геенны, тот сегодня может покаяться и сотворить плоды, достойные покаяния, ***а иже сотворит и научит***, – кто прежде сам на деле исполнит, а потом и других научит исполнять заповеди Божии, ***сей велий наречется в Царствии Небеснем***, получит там высшую награду.

«Как мне другого вести по пути, по которому сам я не хаживал? – рассуждает блаженный Феофилакт, – мне всякий может сказать: врачу исцелися сам. С другой стороны, если я творю, но не учу, хотя и призван учить других, то не буду иметь такой награды, – даже заслужу наказание, если не учу по лености или по зависти...»

ТРОИЦКИЕ ЛИСТКИ.
ТОЛКОВАНИЕ НА
ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ.

Доброе безпокойство

— Доброе безпокойство — это добрая тревога о «добром подвиге». Человек подвизается, следит за собой, обнаруживает, что мешает его духовному преуспеянию, задумывается, просит, если необходимо, помощи и подъемлет духовный труд. Например, видит, что в таком-то случае он повел себя горделиво, сразу думает: «Чем побеждается гордость? Смирением. Значит, нужно смирение». Цак-цак, рубит гордость топором. Короче говоря, человек ищет духовного преуспеяния и занимается духовной работой.

Доброе безпокойство — это взыграние и устремление. Оно придает душе удали, бодрости, приносит не страх и печаль, а утешение. Оно не напряжение и не тревога, но ревность о подвиге. У вас иногда наблюдается некоторый застой. Вы говорите: «Я так подвизаюсь, в таком состоянии нахожусь» — и остаетесь там, где были. А как бы повел себя какой-нибудь святой в таком случае? Нет у вас этого порыва, этого стремления. Нет в вас внутреннего изменения, потому что еще не задвигался внутри рычаг доброго безпокойства, который бы сдвинул вас с места.

Старец Паисий Святогорец

Святитель Тихон Задонский

Келейные письма

Письмо четвертое

Видел ты, как человек Богом почтен. Знай точно, что человек, так Богом почтенный, безчестит Бога, если безстрашно закон Его святой нарушает, по свидетельству апостола: *Преступлением закона безчестишь Бога* (Рим. 2, 23). Слово это сказано иудеям беззаконным, но ныне приличествует оно и христианам, которые на место иудеев вступили, и закон Божий приняли, и познанием Бога хвалятся, но святой Его закон безстыдно и безстрашно нарушать не боятся. Поэтому постигнет их гнев Божий, если истинно к Богу не обратятся.

О, когда бы человек рассуждал, как его Бог почтил и как он Бога, его почтившего, безчестит, — непрестанно бы воздыхал, плакал и рыдал. Но, ослепленный, не видит этого. Отца своего по плоти оскорбит — и сетует о том, плачет и рыдает часто, а Бога, Создателя своего, непрестанно оскорбляет и прогневляет, — и не чувствует этого. Берегись, возлюбленный, такого безчувствия, и... обо мне молись.

Спасайся.

Письмо пятое

Желаешь ты еще узнать, как Бог человека почтил. Хвалю я твое желание и усердие и желаю, чтобы оно в сердце твоем вкоренилось. Ибо от этого родится истинная печаль ради Бога, которая для покаяния нужна, потому что, по словам апостола: *производит неизменное покаяние ко спасению* (2 Кор. 7, 10). Потому с помощью Божией еще пространнее и яснее предложу о том же.

Видел ты, что Бог, желая спасти человека, Сам для этого пришел, и сделал спасение Сам, а не через кого иного. Родился от чистой Девы плотью, чтобы мы, обветшавшие злобой бесовской, возродились духом. Сыном человеческим сделался, чтобы нас сынами Божиими сделать. На земле пожил и потрудился, чтобы нас, отпадших, на Небо возвести. Трудился и утруждался, чтобы нам вечный покой подать. Голодал и жаждал, чтобы нас хлебом и питьем вечного утешения насытить и напоить. Поношение терпел, чтобы от нас вечное отнять поношение. Скорбь и болезнь терпел, чтобы нас вечной радости сподобить. Обезчестен и поруган был, чтобы нас вечной славой почтить. Претерпел страшные и ужасные страдания, чтобы от нас страдания вечные отнять и подать нам вечное прохлаждение во Царствии Своем. Умер на Кресте, чтобы нас, умерших, оживить, и прочее.

Видишь, как Он почтил нас. В смерти Его наша состоит жизнь. Болезни и язвы Его — наши исцеляют болезни. От безчестия Его — наша честь и слава зависит. От рождения Его наше духовное и новое рождение последует. Скорбь Его нашу породила радость. Трудами Его мы обретаем вечный покой. Страданиями Его от вечных избавляемся страданий. Странствием Его при жизни на земле — небесное наследуем отечество. Голодом Его и жаждой вечное получаем прохлаждение. Словом, все существо блаженства, которое обретает человек, Ему одному приписываем, и приписывать должны. Если бы Он не взыскал нас, вечно бы в погибели были мы. Если бы Он не пришел к нам, всегда бы были в пленении у диавола, который нас из рая пленил. Если бы Он не страдал за нас, в аду бы во веки страдали. Если бы Он не умер за нас, в вечной бы смерти погребены были.

Так смерть Его стала жизнью нашей, безчестие Его славой нашей, язвы Его исцелением нашим. Так от пришествия Его, страдания и смерти, как от источника, все наше духовное и вечное блаженство проистекает. Те, кто получает вечную жизнь, — все Его благодатью и человеколюбием получают. Читай об этом Святое Писание, учение святых отцов, учителей церковных, и церковные песни и стихи, — и увидишь сам. В том состоит вся наша надежда, радость, похвала, утешение, слава и все блаженство, что Христос Сын Божий, распятый и воскресший, и сидящий одесную Бога, и ходатайствующий о нас, есть наш Спаситель, Заступник и прибежище. Ибо если Он за нас, кто против нас? Из этого живого источника черпай, и во время зноя прохлаждай душу твою, и обо мне, грешном, поминай, и молись.

Спасайся.

ПРИТЧА О БЛУДНОМ СЫНЕ

Притча о блудном сыне более других известна православным христианам, как церковным, так и менее церковным. Ей посвящено богослужение третьего подготовительного к Великому Посту Воскресения (Недели) и много проповедей и толкований. Отдельные выражения, взятые из нее, вошли в обычный разговорный язык, а различные иллюстрации и картины, относящиеся к ней, памятны нам с детства.

Несмотря на все это, содержание притчи остается неисчерпаемым, и благоговейный читатель с сердечным волнением постоянно вновь открывает в ней что-либо духовно важное для себя.

Благодаря этой непостижимой глубине, даже простое перечисление всех содержащихся в ней тем очень затруднительно. Тем не менее всякая попытка обратить внимание хотя бы на одну из них требует указания и многих других.

Все темы притчи — единое целое, и преимущественное рассмотрение какой-либо одной вызывается лишь неизмеримостью божественного содержания всего рассказа с границами духовного поля зрения человека.

Вот некоторые из основных тем, на которых останавливались те или иные истолкователи:

1-ая тема: — историческая. Это — тема избранного народа Божия и язычников. Старший сын притчи мог бы быть образом древнего Израиля, а младший — языческих народов. Такое толкование встречается у древних отцов, напр. у Тертуллиана, но современные западные исследователи считают его искусственным.

2-ая тема — о грехе. Она богато отразилась в богослужебных текстах недели о Блудном Сыне. Согласно притче, грех есть прежде всего удаление от Бога и вместе с тем от подлинного человека. Грех — это пребывание в стране чужой. «Весь вне быв себе» — поясняет эту мысль один из тропарей канона (3-й песни). Грех есть также растрата духовного содержания жизни и путь к духовному голоду и смерти. В стране «дальней греха и страстей» (текст той же службы) подобный голод угрожает всем. Грех есть и ниспадение в животное состояние, что выражается в зависти добровольного изгнанника к питающимся рожками свиньям. Многое и другое о сущности греха открывается при внимательном чтении притчи и ее богослужебного комментария.

3-я тема — покаяния, также разработанная в соответствующих текстах Постной Триоди и в связи с той же притчей в некоторых покаянных стихирах Октоиха. Эта тема дана в самой притче в необыкновенной полноте.

4-я тема — Церкви (или Царствия Божия) и связанная с ней неразрывно тема о сакраментальной жизни. В Синаксаре Недели о Блудном Сыне лучшие одежды, даруемые ему отцом, толкуются как Крещение, кольцо — как запечатление Духом (миропомазание), пир со вкушением тельца упитанного (откормленного) — как Евхаристия. Пение и лики (музыка), несомненно, суть образа торжества Церкви или Ее Самой в блаженной полноте и единстве. В двух других притчах той же евангельской главы та же идея раскрывается в образах человека, празднующего с друзьями и соседями нахождение пропавшей овцы, и женщины, радующейся с подругами о найденной драхме. Господь добавляет к этому еще слова о радости ангелов о едином грешнике кающемся.

Рассмотрение притчи о Блудном Сыне в контексте всей 15-й главы Евангелия от Луки, которая начинается с упреков Господу, сделанных фарисеями, что «*Он принимает грешников и ест с ними*», открывает нам и 5-ю тему — Самого Спасителя, Сына Божия, «*пришедшего призвать не праведников, а грешников к покаянию*» (Мф. 9, 13). Притча есть ответ Господа на упреки фарисеев; он поэтому присутствует в ней, во-первых, как всякий, отвечающий в словах своего ответа и, во-вторых, — в самой ее фабуле (согласно уже вышеотмеченному традиционному толкованию) в наисмиреннейшем евхаристическом образе закалаемого тельца. Но этим не исчерпывается все то, что может открыться в притче при ее рассмотрении в евангельском контексте.

6-ая тема — старшего сына. Это тема о самоправедности и законничестве. Этот образ имеет свой аналог в лице фарисея в притче о Мытаре и Фарисее, чем отнюдь не определяется, как-то думали некоторые толкователи, что Господь под старшим сыном разумел именно исторических фарисеев.

7-ая тема — выступает при рассмотрении притчи в контексте Постной и даже Цветной Триоди. Поставленная после притчи о Мытаре и Фарисее и перед притчей о Страшном Суде, предложенная молитвенному созерцанию верующих в преддверии Великого Поста, притча о Блудном Сыне являет собою образ отдельного звена в цепи покаянных переживаний или особой ступени великой лестницы нашего восхождения к Богу. Недостаток места не позволяет заняться рассмотрением этой темы в отдельности и понуждает коснуться ее лишь в связи с последней 8-ой и основной темой притчи — темой об Отце. Эта тема, связующая все другие, раскрывается в притче в таком ослепительном свете, что человеческий разум нередко как бы замирает перед ней, не смея приступить к своему исследовательскому делу.

Тем не менее каждый христианин и сердцем и разумом должен внимать тому, что сказано в этой притче об

Отце, так как в ней речь идет, несомненно, об Отце Небесном и тому, что Сам Господь и Его Церковь через подготовительные недели поста, через самый Великий Пост, а далее через Страстную, Светлую и последующие седмицы зовет нас восходить именно к Отцу...

«Восхожу к *Отцу Моему и Отцу вашему, к Богу Моему и Богу вашему*» (Ин. 20, 17).

Церковь, показуя в притче свет божественной славы, как бы подражает самому Христу, явившему Своим ученикам в преддверии Своих Страстей славу Фаворского света.

В притче о блудном Сыне Божественная Слава более всего открывается как Слава нашего Небесного Отца. Эта притча есть откровение о Любви Отца к человеку, которая по мере развития рассказа разгораясь перед нашим внутренним взором все сильнее и сильнее, в конце является нам как некий пылающий костер.

Вступление притчи есть еще и откровение об образе Божием в человеке, имеющее свою параллель в Книге Бытия. Удаление сына из Отчего дома есть свидетельство о полноте свободы, дарованной человеку, а врученная ему доля отцовского имущества — образ многих других высших дарований.

В числе даров, которыми владеет младший сын, есть еще один безценный, хотя и неуказанный в качестве дара притчевого отца, но все же относящийся к притчевому откровению о человеке. Это — дар памяти об Отце и отчем доме, иначе говоря, дар совести. Через эту память — совесть отец неумолчно зовет сына, не нарушая при этом его свободы, ибо он зовет через голос его сердца. «*Отечественной славы — удалихся*» поется об этом воздыхании совести в кондаке, что в одной стихире (Слава на Господи воззвах) звучит еще скорбнее: «*О, каковых благ окаянен себе лиших! О, какова Царствия отпадох*».

Но откровение о полноте Отчей любви становится поистине ослепительным с того мгновения, когда блудный сын приходит в себя.

Отец (очевидно, обладающий всеведением неусыпной любви), выйдя навстречу кающемуся, не идет, а бежит к нему и, найдя его, заключает его в свои объятия и, наконец, не отвечая на его покаянные возражения, сразу торопится наделить его всей полнотой своих даров. И, может быть, только богодухновенные слова апостола Павла (его Гимн Любви в 1 Кор. 13, 4-7) могут передать нам отчасти то, что приоткрывается нам о любви Отца в притче о блудном Сыне: «*любовь долготерпит, милосердствует, ... любовь не гордится, ... не раздражается, не мыслит зла. Не радуется неправде, а сорадуется истине. Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит*».

Образ такой совершенной Любви предложен нам в преддверии Великого Поста, очевидно, потому, что всякий грех есть грех против любви и что по-настоящему каяться можно только перед лицом Любви, ибо «*Бог есть Любовь*» (1 Ин. 4, 8).

Но «*любовь не только долготерпит, не мыслит зла*», но и одаряет и наделяет, почему надлежит каяться не только в том, что мы сделали дурного, но и в том, чего не сделали доброго, надо скорбеть о безплодности своей любви...

Если притча о Блудном Сыне раскрывает образ обогащающей, дарствующей любви, то следующая, предлагаемая вниманию верующих в преддверии Великого Поста, говорит уже о том, что на Страшном Суде Господнем за наличие именно этой одаряющей любви человек будет оправдан, а за отсутствие ее — осужден (Мф. 25, 31-46).

Рассказ о дарах, которыми Отец наделяет покаявшегося сына, есть, в сущности, откровение о всем Спасительном Домостроительстве Божием. Но это откровение этим не ограничивается. Безмерность Отчей любви не в меньшей мере открывается и в отношении к старшему сыну.

Отец хочет одарить его любовью совершенных, наделить даром радования за других — дарованием сорадования.

Он зовет на пир безкорыстной радости, призывает к торжеству Церкви Небесной, к ликованию ангелов о грешнике кающемся...

Но старший сын избирает путь расчетов, путь правовых отношений, на который члены семьи становятся более всего тогда, когда иссякает любовь.

Святому произволу любви старший сын предпочитает контракт и тем самым ставит себя в положение наемника.

Путем старшего сына — путем законничества и счетов даже с Богом — идут многие, слишком многие, даже в пределах церковной ограды. Прямого зла они обычно не делают и, может быть, никогда не сделают, но тем страшнее их отчуждение от истинной жизни.

Но и каждый из нас, мы все, особенно если начинаем исправляться, легко становимся на такой путь.

В этом таится смертельная опасность. И в притче Господь указывает на нее. К счастью, и здесь... Отчая Любовь превосходит нашу немощь. Отец не отверг и старшего сына, и после его первого отказа Сам «вышедши, звал его»: по выражению Синаксара, «вводя тихими словами и кроткими, и любезными».

О, если бы нам только суметь всегда расслышать эти «тихие слова», этот «глас хлада тонка», этот зов Отчей любви, голос Духа Святого.

АРХИЕПИСКОП АЛЕКСАНДР (СЕМЕНОВ-ТЯНЬ-ШАНСКИЙ), «ПУТИ ХРИСТОВЫ»

Человек Божий

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Беседа 30

Из воспоминаний рабы Божией Валентины, г. Таганрог

Как я его в первый раз увидела

Это был примерно 1962 год – тогда я еще совсем девочкой была, в школу ходила, класс в 6-й. А сестры из нашего города ездили к Батюшке в пустыньку, на Кавказ. Я слышала от них рассказы об этом удивительном подвижнике, но как-то не стремилась попасть по той причине, что казалось: я туда все равно никогда не попаду. Правда, когда представилась возможность (одна раба Божия поехала к Батюшке), мы с моей двоюродной сестрой Лидой написали ему письма, а мама моя передала милостыньку. Через некоторое время получила я ответ на свое письмо. И на этом моё первое заочное общение с отцом Виталием, можно сказать, закончилось.

Но вот однажды Батюшка сам приехал в Таганрог – мне тогда уже было лет двадцать. Батюшка сначала приехал в село Благодатное (оно находится на Украине, но это не очень далеко от нас), и там была наша таганрогская раба Божия Феодора, у которой обычно останавливались все старцы. Батюшка, собираясь ехать в Таганрог, послал ее вперед и велел приготовиться – при этом назвал имена людей, которых нужно было пригласить. В число приглашенных попала и моя мама, хотя до этого она ни разу не видела Батюшку лично, а общалась с ним только заочно – передавала записочки, милостыньку.

И вот как по Промыслу Божию состоялась наша встреча. Феодора маме сказала: «Придешь к одиннадцати часам». Мама и пришла к одиннадцати. А та на нее набросилась: «Ты чего пришла?! Во сколько я тебе велела приходить?!» – «В одиннадцать» – «Вечера, а не дня!» Мама вернулась домой. И когда я пришла из города, она мне говорит: «Где ты ходишь? Отец Виталий приехал в Таганрог». Меня охватило волнение – я не могла представить себе, что не смогу попасть к Батюшке...

Наступил долгожданный вечер. Я решила идти вместе с мамой, увязавшись за ней «хвостиком». Мы еще пригласили с собой нашу родственницу, а родственница – подругу. Так что оказался очень приличный «хвостик». Когда мы пришли в дом, где был Батюшка, то Феодора, хозяйка, на-

чала выговаривать маме за нас: «Зачем ты их поприводила?! Тебя одну пригласили!» – и отвела нас в другую комнату, в пристроечку. Но там было окошечко в ту комнату, где ждали все остальные, так что мы всё видели.

И вот сидим мы в том чуланчике, и я вижу через окошечко: пришел кто-то. В белом костюмчике, косичка тоненькая заплетена и подвязана, а сам весь какой-то простой, бегает среди людей. А я же слышала об отце Виталии разговоры: «Он такой красивый! Волосы волнистые! На Спасителя похож!» – я себе его таким и представляла. И думаю: «Где же Батюшка? Послушник какой-то бегает, а Батюшка-то где ж?» – так хотелось отца Виталия увидеть. А это он и был. Но я на него внимания не обращаю – всё жду, что сейчас войдет священник, на Спасителя похожий. А Батюшка всё ищет, ищет кого-то. Потом спрашивает хозяйку: «Где остальные?» Она сначала – отнекиваться. Потом видит, что деваться некуда, открывает дверь чуланчика и говорит нам: «Выходите».

Мы, неприглашенные, зашли, стали в общий ряд, полукругом. И отец Виталий начал всех благословлять – осенять крестным знамением (он тогда еще не был священником). Перекрестит каждого, а потом сам просит у каждого благословения.

Смотрю я на всё это, вижу, что он у всех благословения просит, и думаю: «Я его ни за что не буду благословлять – кто я такая?!» – стою, переживаю... И вдруг мне показалось, что отец Виталий – словно Ангел Божий: идет и как бы не касается земли – такая в нем легкость, невесомость, что-то неземное!

Я думаю: «Боже мой! В нем столько внутренней красоты, а я, неразумная, искала красоту внешнюю!» Тут смелость моя вообще пропала – я твердо решила, что благословлять его не буду. И тут он подходит ко мне. Благословляет. И в этот момент меня вдруг объял страх – от мысли, что если я его не благословлю, то что-то утеряю. Что-то похожее на то, о чем Господь сказал апостолу Петру: «Не будешь иметь части со Мною».[1] Пришлось мне дрожащей рукой перекрестить о. Виталия. А, надо сказать, пришла я в тот дом с большой тяготой на душе (у меня было много всяких проблем). Но когда я перекрестила Батюшку, с

---

[1] *«Иисус, зная, что Отец все отдал в руки Его, и что Он от Бога исшел и к Богу отходит, встал с вечери, снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался. Потом влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан. Подходит к Симону Петру, и тот говорит Ему: Господи! Тебе ли умывать мои ноги? Иисус сказал ему в ответ: что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после. Петр говорит Ему: не умоешь ног моих вовек. Иисус отвечал ему: если не умою тебя, не имеешь части со Мною»* (Ин. 13, 3-8).

меня будто камень свалился – так стало легко и хорошо на душе, что я невольно заплакала...

Народу в тот вечер собралось полный дом – человек двадцать, а то и больше. Батюшка много рассказывал на пользу души, но я почти ничего не слышала – проплакала от радости весь вечер...

Время пролетело незаметно. Пора было расходиться по домам. А у меня столько вопросов, так много хотелось спросить! Как же мне быть? Вот уже все уходят. Я набралась смелости и подошла к Батюшке – начала задавать ему свои вопросы. А он взял меня за руку, что-то говорит, говорит и совсем мне не отвечает. Я думаю: «Зачем он это мне говорит? Мне бы скорей ответы получить! Вот и матушка Мария уже так строго смотрит – сейчас выпроводит меня, а он мне так и не ответил!» А отец Виталий всё толкует о чем-то – как мне казалось тогда – совершенно не касающемся меня...

Наконец матушка Мария сказала: «Всё! Хватит! Расходитесь по домам!» Я повернулась и пошла вслед за мамой и родственниками. Доходим до калитки – и вдруг у меня появляется сильнейшая тяга еще раз взглянуть на Батюшку. В последний раз! Ведь больше я его никогда не увижу! Говорю маме: «Я сейчас. Я вас догоню – идите». Возвращаюсь к дому, а сама думаю: «Сейчас приоткрою дверь и только в щелочку загляну, один раз посмотрю и уйду».

И вот я потихоньку приоткрываю дверь... А отец Виталий, оказывается, стоял за ней. Он берет меня за руку и говорит: «Где ты ходишь? Я тебя ищу. Ты когда-нибудь была у нас в Тбилиси?» – «Нет, не была...» В той же комнате стоит Мария Павловна (она из нашего города, духовное чадо Батюшки). Батюшка говорит: «Вот – бери Марью Павловну, и приезжайте с ней».

Домой я летела как на крыльях. Сколько у меня было счастья: Батюшка пригласил!.. Теперь я могу к нему поехать!..

С тех пор я стала к нему приезжать, едва лишь выдавалось свободное время. Только есть возможность – сразу к Батюшке!

Боялась ехать к Батюшке

Что интересно: живешь дома, и когда наступает тягота на душе, хочется к Батюшке. Настолько хочется, что, кажется, все бросила бы и полетела к нему. Но вот поезд уже подъезжает к Тбилиси – и тут вдруг нападает страх: «Ой, хоть бы этот поезд развернулся и назад поехал! Зачем я приехала сюда?! Не хочу!» Идешь и думаешь: «Хоть бы Батюшки на Дидубе сегодня не было! – а он иногда находился на Дидубе, а иногда – на Московском проспекте. – Лучше пусть я первая приду, а отец Виталий – потом». И если приду, а мне скажут: «Батюшка приедет завтра», – такое облегчение!..

Помню, в очередной раз приезжаю, а Батюшка мне: «Сколько ты еще будешь меня бояться? Чтоб это было в последний раз!» – и всё отошло, этот сильный страх прошел.

Как мы просились в чада

Однажды приехали мы в Тбилиси – мама и я. И решили попроситься у отца Виталия, чтобы взял нас в духовные чада. Так-то мы со многими старцами общались, но конкретного духовника у нас не было.

Завели разговор на эту тему, мама моя говорит:

– Отец Виталий, возьмите нас в духовные чада!

Батюшка ей отвечает:

– А как может сын просить отца, чтобы его усыновили? Вы уже давно мои духовные чада. Я вас еще в пустыни поминал, – достал свой помянничек – старенький, истрепанный, ещё с пустыни – и показывает:

– Вот смотрите.

Читаю, а там вся наша семья записана. Я сразу ему:

– А откуда Вы нас знаете?! – так удивленно.

Он ничего не сказал, только глянул на меня, улыбнулся. Оказывается, он за нас молился еще с того самого времени, когда сестры с нашего города ездили к нему, и мама передавала милостыньку, а я – еще школьница – писала ему письмо. Ну, тогда мы уже успокоились: слава Богу, Батюшка от нас не отказался.

Впоследствии наши таганрогские сестры, которые знали Батюшку давно, рассказывали, как отец Виталий им говорил: «Когда я в пустыни был, видел всех своих духовых чад – Господь мне показал». То есть Господь за много лет открыл ему, кто будет его духовными чадами.

С ним было очень хорошо

Приезжала я всегда к отцу Виталию с кучей своих проблем и невзгод. Как-то, помню, сижу, Батюшка что-то рассказывает, и вдруг я замечаю, что у меня совершенно другой настрой, не тот, с каким приехала. Ловлю себя на мысли: «Да то – не проблема, и это уже проблемой не кажется...» – не знаешь, что и спрашивать. Чувствуешь, что ты сидишь уже с совершенно другим настроением, с другим ведением. Я это ощутила и подумала: «Ну, надо же – у меня мысли как бы на 180 градусов развернуло!» А Батюшка глянул на меня и заулыбался.

Просто находиться рядом с ним уже было очень легко и приятно. Словно какая-то радость исходила от него, распространялась вокруг него – как приятный запах распространяется от флакончика с духами...

Он все чувствовал и провидел

Однажды, когда я в храме подходила к Батюшке на причастие, хотела перед Чашей поклон земной сделать да не рассчитала – и как дам лбом об пол! Аж искры из глаз полетели. Поднимаюсь и думаю: «Ну, заставь дурака Богу молиться – он и лоб разобьет». Смотрю, а Батюшка стоит с Чашей и улыбается. И так ощущалось, что он все наши мысли провидит и чувствует!

Стояла я как-то в Таганроге на автобусной остановке. Был день памяти святых Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Задумалась я об этих добродетелях... И забыла. Потом приезжаю к Батюшке – а он мне и говорит: «Поревнуй Любови. Любовь и там не умирает», – Батюшка даже на расстоянии знал помыслы.

Вспоминается и еще один случай прозорливости Батюшки, бывший со мной. Жили мы у раба Божиего Иоанна в Тбилиси – Батюшка у него временно находился. Однажды жена Иоанна, Лидия, торопясь на работу, говорит мне: «Валя, там в летней кухне картошка доваривается, ты, когда она будет готова, принеси ее домой и поставь на стол». А у них была большая собака. И вот, только я собралась идти в летнюю кухню, как Батюшка останавливает меня и начинает рассказывать: где-то у кого-то была собака, и она бросилась на человека... Я всё это выслушала, выглянула во двор – собака где-то далеко, на другом конце. Вышла и пошла в кухню. Взяла картошку и иду обратно. А собака в это время пришла и легла на порог. Я на нее: «Пошла!» – она не уходит. Гнать веником боюсь. Начала ей картошку в сторону бросать: думала, что она за ней побежит. Она – ни с места. Думаю: «Буду сидеть, ждать: может, меня разыскивать начнут? Спохватятся, что я пошла за картошкой и куда-то пропала?»

Ждала-ждала, потом вижу – долго ждать придется, надо что-то делать... Набралась смелости: взяла веник и начала прогонять собаку веником. Безрезультатно! Что же мне делать? Уже и картошка остыла. Думаю: «А – будь, что будет! Господи, молитвами отца Виталия – благослови!» – и перешагиваю через собаку с кастрюлей картошки. Захожу в дом – Батюшка на меня смотрит: меня же долго не было. Начинаю рассказывать ему, как собака пришла и легла на пороге, но не говорю, что я сказала «молитвами отца Виталия». Говорю: «...я через нее перешагнула и пошла».

Приходит матушка Мария – отец Виталий ей говорит: «Мать, тут у нас что было! Валя пошла в летнюю кухню, а собака легла... – рассказывает всё по порядку. – ...а Валя и говорит: «Молитвами Владыки Зиновия, Господи, благослови!» Перешагнула – и собака ее не тронула!»

В том доме был и еще один интересный случай. Как-то отец Виталий рассказывал, как надо себя вести в духовной жизни: «Нужно быть, как солдату! Как в армии муштруют солдат? Вот так и нам надо. А то мы пока встанем, пока потянемся...»

В это время Лидия вдруг вспомнила и перебивает: «Батюшка, сейчас такое хорошее кино будет...» – пошла и включила телевизор. Батюшка улыбается: «Да?» А должны были показывать, кажется, «Весна на Заречной улице». Но вдруг мы видим: армия, солдаты, муштровка... И так – весь фильм. Она: «Да что же это такое?! В программе написано одно, а показывают другое! Ничего не говорили, ничего не объявляли!..» А Батюшка же перед этим рассказывал про солдат – и весь фильм мы просмотрели о муштровке. Что он нам хотел преподнести, показали по телевизору «вне программы».

Батюшка был как искусный садовник

Батюшка был как искусный садовник, к каждому он относился индивидуально: кого-то воспитывал мягко, кого-то – более строго. Когда я у него бывала, он обличал меня, но делал это прикровенно: говорил мои грехи на кого-нибудь (наверное, видел, что я не понесу открытого обличения). Помню, одна раба Божия приехала к Батюшке, а он начал ее ругать, и слышу: всё мое называет. Я думаю: «Ну надо же! И она, значит, такая же, как и я!» И только потом сообразила, что это значит. В другой раз отец Виталий кричал на матушку Марию – и все мое. В тот раз я уже четко поняла, к кому это относилось – согнулась за столом, чуть ли не под стол залезла. А он на нее шумит! Мать Мария не выдержала: «Я этого не делала!» Мне бы тогда сказать: «Батюшка, простите, это всё мое, это я виновата». Нет – промолчала. Потом мы с матушкой Марией куда-то пошли, и она мне говорит: «Валя, вот он кричит – и сам не знает, чего кричит». А я и думаю: «А Валя-то знает, чего он кричит». Но опять промолчала.

Батюшка видел, кому что надо. Рассказывала как-то мать Деспина: ехали к отцу Виталию двое священников со своими матушками, в дороге матушки поссорились. В это время на Дидубе Батюшка вдруг начал на мать Марию сильно кричать, разразилась самая настоящая буря! Матушка говорит: «Да кто ж это такой к нам едет? Кто-то к нам едет», – она поняла, что Батюшка шумит не зря, что у кого-то что-то в дороге происходит. Вдруг открывается калитка – заходят священники с матушками. Мать Мария: «А-а-а, вот оно что! Так: сумки забирайте и – на вокзал! Обратно!» Они, бедненькие, притихли – их до Батюшки не допускают. Батюшка Деспину подозвал и потихоньку говорит ей: «Вези их в аэропорт, потом – к себе. Пусть у тебя переночуют, а завтра утром снова сюда их привезешь», – решил так их вразумить, чтобы впредь внимательнее были.

Деньги на дорогу

Помню, был период, когда я несколько раз подряд ездила в Тбилиси. Одна из таких поездок была связана со смертью митрополита Зиновия. Чтобы попасть на похороны Владыки, я отпросилась с работы. Это было в начале марта.

После похорон матушка Мария вдруг спрашивает меня:

– Валентина, а когда у тебя отпуск?

Я отвечаю:

– В апреле.

– Ты ж приедешь?

– Приеду!

А уже по дороге домой размышляю: «Надо же – как я могла так необдуманно пообещать? Я ведь деньги на дорогу уже истратила. На что же я поеду?..»

Подходит отпуск. Бегу я однажды на работу и очень опаздываю. А тут как раз субботник был (это происходило еще во времена Советского Союза) – и людей у нас в переулке работало много. Бегу – вдруг вижу: впереди на тротуаре лежат деньги. Кричу: «Чьи деньги?» Но на улице шум, гам – никто меня не слышит. Я опять: «Чьи деньги?!» Смотрю: какая-то бабушка вышла ставни открывать. Говорю ей: «Я нашла деньги, но мне сейчас некогда искать, кто их потерял – если кто спросит...» – и называю свой адрес. Сунула купюры в карман и бегом! И только вечером, когда пришла с работы домой, посмотрела, сколько там было денег. Спрашиваю у мамы: «Никто к нам не приходил насчет потерянных денег? Я деньги нашла». Но так никто и не пришел – ни на сле-

дующий день, ни через неделю. А там было денег достаточно на поездку в Грузию.

Это было, действительно, какое-то чудо. И когда я приехала к Батюшке, рассказала ему, что нашла деньги и поэтому смогла к нему приехать. Он спрашивает:

– А если бы не нашла, то и не приехала бы?

Мне стало неловко – не нашлась, что ответить. Потом уже я осознала, что в тот период мне было просто необходимо находиться возле Батюшки для укрепления – вскоре у нас в семье случилось большое горе: умер папа.

Предсказание о смерти папы. «У нас большая семья, не оставим»

Однажды приехала я очередной раз в Тбилиси. Пошла в магазин и купила там несколько коробок конфет «Рахат-лукум» – Батюшке в подарок. На каждой коробке была изображена чаша, красиво разложенные в ней конфетки и догорающая свеча – буквально огарочек. Когда покупала, я не обратила внимания на картинку. Но когда вечером Батюшка мне же подарил одну из моих коробочек, я вдруг четко увидела свечу и подумала: «Чья же это свеча догорает? Неужели это касается Батюшки или меня?» – у меня в почке был камень. Взяла это себе в голову и всю ночь переживала.

А в скором времени папа попал под машину и отошел ко Господу.

Помню, я раньше не представляла себе: когда умрут у меня родители, как я смогу это пережить? И Батюшке как-то сказала:

– Батюшка, я не могу даже представить, как я это переживу.

А он ответил:

– Да у нас же большая семья, не оставим.

Я подумала про себя: «Семья-то, семья. Но не родители же...»

И вот прошло примерно полгода после смерти папы. Приехала я к Батюшке. Он спрашивает:

– Ну, что ты мне расскажешь?

– Батюшка, я не чувствую разлуки с папой!

Он улыбнулся и ответил:

– А я этого и ждал от тебя.

Конечно, это только его молитвами...

Примирение с женщиной по молитвам Батюшки

У меня на работе вышла неприятность с одной женщиной, старшей по возрасту. Я очень переживала...

Когда приехала к Батюшке, то пожаловалась ему на сложившуюся ситуацию. Он ничего тогда не сказал, но, видно, помолился...

И вот вернулась я домой, вышла на работу. Иду как-то по коридору, а навстречу – она. Когда мы поравнялись с ней, у меня вдруг прорвался карман, и оттуда посыпалась мелочь. Неожиданно та женщина наклоняется и начинает собирать мне мои деньги, и вдруг говорит: «Валя, я хочу, чтобы ты мне посоветовала, как поступить: у меня в доме с соседкой скандал получился...» Я засмущалась: «Я еще и советчиком должна быть?!» Но насколько у нее всё перевернулось по отношению ко мне – это поразительно! Конечно же, Батюшкиными молитвами.

Не надо унывать

Отец Виталий очень много нам помогал своими молитвами и в житейских делах, и в духовной жизни. Как-то сказал про работу над душой, над своими страстями: «Не надо унывать. Вот ты в огороде сор заметила – спешишь его обрабатывать, сорняки выдирать, пока не разрослись... А если сама не сможешь, тракторист какой-нибудь мимо проедет, увидит, что девочка, бедняжка, сидит и столько бурьяна у нее, что она одна не может справиться – он трактором как пройдет!..» – Батюшка и был для нас этим «духовным трактористом».

«Почему он ко мне не попал»

Однажды я приехала в Грузию, пришла на Дидубе – Батюшки нет, он на Московском. Мать Марии тоже нет – она в храме. Я отправилась в храм узнать у матушки, когда отец Виталий появится на Дидубе. Матушка Мария сказала, что его пока там не будет, и велела назавтра приехать на Московский.

На следующий день с утра я пошла сначала в храм. Вдруг смотрю: идет Мария-хроменькая с молодым приезжим монахом. Увидела меня и говорит этому монаху: «Вот она тебя к Батюшке проведет». И он ко мне буквально «прилип»: «Как бы мне попасть к Батюшке? Помогите, пожалуйста». Я отвечаю: «Я не могу Вас к нему провести – мне нужно сначала спросить на это благословения». Он говорит: «Ну, давайте мы на такси поедем – я подожду в машине, а Вы спросите?» Я отнекиваюсь, отнекиваюсь – и тут матушка Мария заходит. Я ее как увидела – обрадовалась! Говорю: «Матушка, вот тут монах – он хочет попасть к Батюшке». Она: «А, вот как! Сейчас разберемся!» – пошла, переговорила с ним, но не допустила к отцу Виталию. Он потом подходит ко мне и говорит: «Я лицезрел вашу матушку – строга! строга!» Ну так ни с чем и уехал...

Приезжаю я после службы к отцу Виталию на Московский проспект. Он мне и говорит: «Рассказывай: что там произошло?» – «Батюшка, так и так: один монах приехал, Мария-хроменькая его ко мне подвела – хотела, чтобы я его к Вам привела. А матушка пришла и не допустила». Отец Виталий спрашивает: «А знаешь, почему он ко мне не попал?» Я отвечаю: «Нет» – «Потому что он обратился к людям, а не к Матери Божией. Если бы он сначала попросил Матерь Божию, он бы увиделся со мной», – а тот монах сразу начал искать человека, который имеет доступ к Батюшке.

«Я к вам приеду»

Был такой период, когда у меня совсем пропал интерес к жизни: ничего не интересовало, ничего не хотелось делать, все было безразлично.

Как-то раз приехала я к Батюшке, и он мне говорит: «Валя, ты ж ничего не знаешь! Я же к вам приеду!» И я будто проснулась ото сна – возвращаюсь домой, а сама думаю: «Ах, к нам Батюшка приедет! Так, а куда я его поселю? А где?.. А что?..» – давай всё переставлять, перестраивать.

Батюшка несколько лет говорил, что к нам приедет, а когда у меня, наконец, появился интерес к жизни, он меня «притормозил» – приезжаю как-то, а отец Виталий

говорит: «Когда я приеду к вам, начнется невозвратимый процесс, а ты не выдержишь...» Я думаю: «Умирать, что ли, кто-то будет? Пусть тогда он лучше как можно дольше не приезжает», – и он сразу прекратил мне говорить о своем приезде. То есть Батюшка был врачом, а мы все – больными: каждый – со своими грехами, со своими недугами. И каждый недуг отец Виталий лечил по-своему. Наверно, это его «я к вам приеду» было мне своеобразным лекарством, чтобы я встрепенулась.

Я не всегда могла сразу осознать смысл Батюшкиных поступков

К сожалению, я не всегда могла сразу осознать смысл Батюшкиных поступков. Помню, я думала, что Батюшка, действительно, к нам приедет. Поэтому, когда услышала, что он очень слаб здоровьем, не поверила в возможность его смерти. У нас тогда гостила мать Деспина. Как-то она позвонила матушке Марии, и та сообщила, что Батюшке плохо и его положение ухудшается. Я сказала: «Да не помрет он – он же еще у меня должен побывать!» И Деспину в этом убедила – она тоже не очень верила, что Батюшка умрет. А потом матушка Мария позвонила рано утром и сказала нам: «Батюшка умер»...

Я ехала с сестрами на похороны и дорогой всё повторяла: «Я не могу поверить, что Батюшка умер! Не могу поверить!» Когда уже гроб опустили в могилу и начали засыпать землей, Анна Пастушка подошла ко мне и говорит: «Ну, теперь веришь?» Отвечаю: «Теперь верю...»

Те дни казались самыми страшными: Батюшка был для нас словно луч в темноте, к которому каждый стремился – и вдруг этот луч погас! Невозможно было осмыслить...

Помощь по смерти

С течением времени, конечно, я начала понимать, что этот луч не погас. Батюшка ещё при жизни говорил: «Когда умру, приходите ко мне на могилку и всё рассказывайте – я всё услышу». И хотя не у всех имеется такая возможность – посещать могилку, но после смерти отца Виталия чувствуется помощь Божия по его молитвам, стоит только попросить.

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Он всех любил...

Слово преосвященного Никона, епископа Липецкого и Елецкого, сказанное на панихиде по схиархимандриту Виталию (Сидоренко) 30 ноября 2008 года

Царство Небесное, место покойное схиархимандриту Виталию. Мы поминаем ушедшего в мир иной нашего дорогого Батюшку.

Почему у нас сердце так тянется к нему, хотя уже 16 лет как он ушел из этой жизни? Он всегда молился, и когда был в заключении, и когда был в горах, и в лесу, и когда жил в подполье зимой одного дома — постоянно молился. И когда я встретился с ним, он имел множество листочков, на которых написаны были имена всех тех, кто просил его о помощи. Множество было имен! И постоянно горели свечи за тех, кто нуждался в помощи — и духовной, и телесной.

Про схиархимандрита Виталия написаны книги. Сейчас мы собираем еще больше подробных сведений о его деятельности у его духовных чад и в Абхазии, и в Таганроге, и в Ростове. Он и наше место освятил своим посещением — в Липецкой, в Тамбовской, в Воронежской, Курской областях у него множество чад. Многих постригал он в монашество или иночество. Он знал, кого нужно одеть в мантию, а кого нет. И он сам рассказывал, что когда ему сделали операцию, мученица Ирина и великомученик Феодор Стратилат покрыли его мантией.

Есть такой рассказ. Один инок видит сон: стоит он на высокой горе, ветер ужасный. Он старается удержаться за скалу. Вдруг порыв ветра — и его бросает в бездну... И он парит! Мантия, как крылья, помогла ему опуститься на землю, и был голос: «Мантия тебя спасла. Дорожи ею как великой святыней». И действительно, мантия многих, которые были покрыты ею, спасла.

Никогда не видели, чтобы Батюшка плакался, никогда он не скорбел, не стонал, хотя боли были ужасные. Никому не жаловался, что ему плохо. Только однажды сказал мне: «Хорошо бы мне выйти на воздух.

Походить по земле —она ведь исцеляет...» Он задыхался в Тбилисском котловане, где дышать было нечем, плюс еще высокая температура.

За что мы любим Батюшку? За то, что он нас любил. Никого он не оставил без внимания. И только уже когда у него не было сил, как-то стали реже допускать до него людей. А когда был еще в силе и приходил в храм в честь великого князя Александра Невского в Тбилиси — вы только бы видели: все люди тянулись к нему! Когда Батюшка выходил из храма и шел к Владыке, так все вокруг обступали его, прикасались к нему, умоляли его помолиться о дочери, о сыне. Проблемы у людей были те же, что и сейчас: и наркомания, и пьянство, и семейные раздоры, и скорби на работе...

Батюшка не жалел себя ради нас, ради тех, кто его окружал. И не только там, в Тбилиси, но и в России. Он как пилигрим ездил по всей России, посещая нуждающихся. И везде, где бы он ни был, он молился. Я никогда не видел его праздно лежащим. Всегда «тянул» четки. Всегда через силу, но делал поклоны. Везде он стремился угождать Господу. Своим примером старец и в нас возгревал ревность по Богу, чтобы мы тоже не жалели себя в молитве не только в его присутствии, но и дома. Чтобы мы как огоньки горели.

Многие желали бы его видеть, побеседовать с ним. Многие. Но не всем это удавалось... И жалко было, когда встречались в аэропорту и сокрушались: «Вот приезжали к отцу Виталию — и не могли попасть...» Батюшка скорбел о таких.

На письма отец Виталий старался отвечать всем: утешал, советовал как поступить и часто как благословение присылал разные подарочки. Батюшка не получал ни пенсию, ни зарплату от храма, жил в бедности. Но его какой-нибудь маленькой иконочке или сухарикам, или еще какой простой вещи так все были рады! Были рады весточке, что Батюшка помнит о нас. Не так дорог подарок, как дорого то, что он помнит нас, молится за нас. И когда мы приезжали к нему, мы благодарили его за то, что он присылает нам частичку своей благодати.

Все хотели попасть к Батюшке. И когда он приезжал к нам в Липецкую область, в село Бурдино Тербунского района, то многие священнослужители, матушки и все его чада собирались там. Сколько же было радости, когда отец Виталий находился с нами в храме! За литургией все причащались. Затем все оставались в храме, и Батюшка много всего рассказывал. И удивительно, что каждый для себя находил ответ на недоуменные вопросы...

Он любил всех! И нищих, и пьяниц, которые встречались с ним. Отец Виталий хотел всем помочь, душу свою отдать, свое здоровье — только бы кому-то стало легче. Батюшка как нищего и бедного, так богатого и знатного принимал одинаково. К нему приезжали даже руководители и представители светской власти России и Грузии.

К сожалению, мы не всегда слушали его. Бывало, спрашиваешь: «Батюшка, когда ехать?» Он говорит: «Да я думаю вот так... Мать Мария, как ты думаешь?» А мы отвечаем: «А мы уже билет взяли...» — то есть уже решили по-своему. И когда мать Анна приняла от Батюшки монашеский постриг (а мы знаем, что после пострига человек должен находиться в храме несколько дней), мы решили уезжать и купили билеты, не спросив отца Виталия. И пришлось нам с ней находиться в аэропорту почти трое суток: самолет то из Москвы не вылетает, то из Тбилиси — плохие погодные условия... Не сразу мы поняли... Надо было бы спросить: «Батюшка, как благословите — когда лететь домой?» — и никаких искушений не было бы. Да, много в нашей жизни своеволия... Батюшка строго обличал своевольников, которые не выполняли благословения. Он и при нас говорил, отчитывал. И мы понимали его простые слова, но вес этих слов громадный.

Схиархимандрит Виталий — вот такая ему досталась доля — постоянно скрывался. Он долго не имел никаких документов. И даже когда за большие деньги ему выручили паспорт, все равно за ним была постоянная слежка. Поэтому приходилось ему часто менять квартиры. То на Московском проспекте он жил, то на Дидубе... Поживет в одном месте неделю-другую — съезжает. Мы знали, что не от хорошей жизни отец Виталий это делает.

На Дидубе две комнаты. Там ему было лучше, нежели в квартирах: там внизу текла река Кура — и поэтому все же свежий воздух и прохлада немножко были... Часто мать Мария роптала: «Отец Виталий, невозможно тут жить!» А он всегда отвечал: «Мать Мария, у тебя кругом все не так. А у меня везде рай!» Его преследовали, искали, и, бывало, милиция забирала, били его — а он всегда потом говорил: «Вот меня так погладили...»

...Всем поклоны делал. Всегда улыбался, радостный был. Он поднимал нас своим духом. Приезжало много телесно и духовно больных — и их болезни и тяжести брал на себя, молился за них... Все, что привозили ему

(Батюшка любил фрукты), раздавал нам, и через них благодать Божия касалась нас, мы духовно чувствовали умиротворение.. Мы, принимая из его рук эти гостинцы, брали благословение и тут же съедали и апельсины, и яблоки, и груши. Все было очень вкусное. Почему-то нападал голод — никак не могли дождаться обеда. Не только я, но и другие Батюшки это чувствовали. А когда подавали обед, немножко покушав, — все, сыты. Удивлялись: откуда такой голод нападал на нас? Мы готовы были съесть все... Вероятно, голод у нас был духовный, но, по молитвам нашего старца, он утолялся...

Батюшка очень любил владыку Зиновия. Когда мы приезжали, в первую очередь шли под благословение к владыке. А он говорил: «К отцу Виталию». Придем к отцу Виталию, начинаем спрашивать, он говорит: «Давай спросим у владыки Зиновия. Как владыка благословит...» И письма всегда Батюшка заканчивал: «Молитвами Владыки Зиновия Господь помилует и спасет вас»...

Батюшка очень мало спал. Я все удивлялся: откуда у него силы? С нами целыми днями! Ведь постоянно людей было очень много: одни приезжали, другие уезжали, так что приходилось и на полу спать и развозить по другим квартирам в Тбилиси! Каждый хотел с ним побеседовать один на один, решить свои проблемы. А ночью вместо того, чтобы отдыхать, он уходил на улицу, потому что ночью была прохлада, и там за сараем молился: «тянул» четки с земными поклонами. Никому не жаловался, что устал, что хочет спать. Я никогда не видел, чтобы отец Виталий зевал. Как-то поинтересовался: «Батюшка, а как ты никогда не зеваешь?» А он отвечает: «А я тоже зеваю. Только я рот не разеваю». И показывает так губами. Я попробовал: получается, но может скулы свести.

Вот такие малейшие черты его жизни — они поражают силой его духа. Как адамант, мощный, крепкий! Мы, здоровые, часто в трудностях отступаем и не делаем должного. А отец Виталий послаблений себе никогда не делал. Бывало скажет: «Да нет — нужно вот так». Я говорю: «Батюшка, да ты же надорвешься». «Ничего-ничего». Потому что он себя не жалел. А мы, чуть нам больно, трудно, сразу отступаем.

Батюшка всегда говорил о том, чтобы мы не грешили. В своих письмах всегда он напоминает: «Спасайтесь, спасайтесь». Как нужно спасаться? Не грешить. А если согрешил, то больше не повторяй грех — старайся стойко стоять и не падать.

Много у Батюшки духовных чад по всем уголкам России. И все они сегодня поминают Батюшку. И хотя нам скорбно, но в то же время отрадно, что есть у нас верный заступник и предстатель пред Богом. Сейчас многие обращаются к нему, даже и те, кто никогда не виделся с ним, но знают Батюшку лишь по книгам и нашим рассказам, и получают помощь. Сейчас мы собираем сведения для более подробной книги. Но книга его жизни, я думаю, продолжается среди нас, среди тех, кто любит его, кто прибегает к нему в молитвах, кто неуклонно пользуется его советами и наставлениями, кто возжигает в себе огонек его любви к Богу и ближним.

Царство Небесное, место покойное схиархимандриту Виталию! Господь Бог ублажит его и упокоит, а нас помилует, яко Благ и Человеколюбец!

Из писем схиархимандрита Виталия

Возлюбленные ... родные и присные о Господе! Благодать Господа и Бога, и Спаса нашего Иисуса Христа, любы Бога и Отца и Причастие Святаго Духа буди со всеми вами.

Малых детей учат, чтобы они умели писать, читать, считать. Для этого их отдают в школу. Христианину надо знать уроки жизни: как креститься, кланяться, соблюдать посты, исповедоваться, открывать грехи, открывать помыслы, намерения, планы, недоуменные вопросы, советоваться как жить, чтобы Богу угодить и знать Его святой закон. Вот Господь учредил Святую Церковь, которая содержит семь святых Таинств и учит человека пути спасения. Вы только усердствуйте посещать Божий храм – и постепенно всему научитесь.

От детей требуют родители: повиновения, послушания, трудолюбия, любви к окружающим. Сами родители любят детей и всем (их) снабжают: одевают, обувают, носят, купают, греют, целуют, скучают, заботятся. Бог нам еще больше всего посылает и дает, бдит и оберегает, хранит и защищает, любит и прощает, и зовет: *«Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененни, и Аз упокою вы»*. Ему слава подобает вовеки. Аминь.

Челом вам до лица земли. Целуем: Христос воскресе! Спаси вас, Господи. О вас совершаются Божественные службы.

Спасайтесь, простите.

Радосте наши! Как хорошо сказано, чтобы заниматься Иисусовой молитвой! Какие благодеяния ожидают человека и в сей, и в будущей жизни!.. Надо молиться безпрестанно во всякое время: работая, отдыхая, вкушая, беседуя, сидя, лежа, ходя, стоя. И к этому – отсечение своеволия, себе неверие, терпение, ко всем любовь, самопожертвование в той среде, где мы живем.

Благодарим, спасайтесь, простите.

У БОГА НЕТ ЛИЦЕПРИЯТИЯ

Вопрос: *Однажды мне пришлось стать свидетелем событий, в центре которых оказался мой друг N. Ситуация была сложная. Но N. не падал духом – усердно молился и верил, что Бог поможет. Когда ситуация, наконец, разрешилась (нашелся совершенно неожиданный выход из создавшегося положения), в разговоре с одним знакомым священником я выразил мнение, что так произошло благодаря тому, что мой друг усиленно молился. На что батюшка возразил: «"Молился"? А какой у N. молитвенный опыт?»*

Этот ответ смутил мою душу: что же тогда получается? Если наша молитва, хотя и немощная, но искренняя, никак не может повлиять на обстоятельства нашей жизни, то... выходит, «Бог велик, высок, далёк»?.. Его помощью могут пользоваться только избранные? А как же тогда мы, люди простые, немощные, обычные? Как мы можем испрашивать себе помощь свыше и сообразовываться с волей Божией? Хорошо, если у кого есть наставник – опытный духовник, который определяет каждый шаг своего пасомого: «В этом случае поступай так, а в этом – так». А кто не имеет такового? Или есть духовник, но либо он не желает по каким-то причинам вникать в твою проблему, либо наоборот – ведет себя явно небезпристрастно в сложившейся ситуации (к сожалению, и такое бывает). Или же, как часто случается, батюшка просто не в состоянии уделить тебе время из-за занятости. И в итоге все проблемы остаются при тебе.

В таких случаях любой верующий человек понимает, что необходимо усилить молитву ко Господу. А тут вдруг священник «обрубает»: «Какой у N. молитвенный опыт?» Так что же тогда: человек без «молитвенного опыта» не имеет права обратиться ко Господу за помощью?

Ответ: Первое, что должно сказать – всем нам нужно беречь свой ум от засорения душевредными понятиями – мыслями и словами.

Глупый штамп, что Бог «высок и далек» нужно выбросить из своего ума и никогда его не произносить, так как он богохулен. Бог к нам ближе, нежели рубашка к телу. Как сказал св. прав. Иоанн Кронштадтский: «Бог везде есть, на всяком месте, и значит всегда со мною и во мне». Потому и мысленное молитвенное обращение к Нему должно быть соответственным этому убеждению. От нашего неправильного отношения к Богу как к «высокому и далекому» мы очень много теряем, потому что мы усвоили себе неправду о Боге, обман, ложь. Ведь что бывает, когда мы вывихнем руку или ногу? Когда мы начинаем при этом двигаться или что-то делать, то наши возможности весьма ограничены и болезненны. Подобным образом мы очень ограничены в молитвах и страдаем в душе, когда вывихнемся на неправильное понимание Бога и отношение к Нему. К сожалению, таких ложных, душевредных вывихов веры – великое множество.

Правильное отношение дано нам Богом в молитве «Отче наш». Бог действительно наш Отец, приведший нас из небытия в бытие и заботящийся о каждом из нас несравненно более всякой горячо любящей матери. Да, да – именно о каждом из нас, невзирая на наши грехи. И чтобы наши молитвы принимались Богом, мы должны постараться обращаться к Нему как к Отцу – с детской простотой. Но без дерзостей и глупостей, что свойственно сегодня некоторым детям. Ведь если дерзкое, вызывающее поведение неприятно каждому родителю, то тем паче – Господу. Потому одно из самых важных условий молитвы – сознание своего недостоинства, т.е. смиренномудрие. Может

быть, вышеупомянутый батюшка как раз это и имел в виду.

Подвижник нашего времени схиархимандрит Виталий (Сидоренко), наставляя духовных чад, говорил, что на свою молитву никогда не надо уповать, а всегда нужно прибавлять «молитвами отца нашего духовного...» или «...матери духовной...» В качестве примера Старец рассказывал случай, как еще в 1950-е годы в монастыре – Глинской пустыни – отец Серафим (Романцов) послал его однажды на послушание. Но враг рода человеческого попытался устроить козни и не отступал до тех пор, пока отец Виталий не наложил крестное знамение со словами: «Молитвами отца моего духовного Серафима, Господи, помоги мне!» Лукавый тут же отступил, не выдержав смирения юного послушника.

Это – весьма важный момент духовной жизни, но его нужно понимать правильно. То, что «на свою молитву никогда не надо уповать», вовсе не означает, что мы должны свой молитвенный труд переложить на чьи-то плечи – духовного отца или Церкви. Это очень серьезная ошибка. Нам всем дана Господом заповедь *бодрствовать и молиться* (Мф. 26, 41) – и *непрестанно молиться* (1 Фес. 5, 17); «*молитесь во всякое время*» (Еф. 6, 18). А то, что сейчас мы расслабились – так это наша немощь (чтобы не сказать – беда).

Мне думается, что основа этой беды заключается в неправильном понимании молитвы как таковой. Возможно, некоторые возразят: «Разве мы перекладываем молитвенный труд на чьи-то плечи? Регулярно всей семьёй ходим в храм, исповедуемся, причащаемся, молимся дома утром и вечером...»

Это всё, конечно, хорошо. Но этого недостаточно. Речь идет не о молитве церковной и не о молитве келейной (монашеской), а также не о той, которую читают миряне дома утром и вечером. Здесь речь идет о молитве нашего свободного произволения при ежедневном решении той или иной жизненной проблемы, в скорбях, недоумениях. Речь идет, если можно так выразиться, о молитве «внеплановой», связанной с конкретными ситуациями. И даже если у кого есть опытный священник или старец – это вовсе не значит, что мы должны оставлять молитву, надеясь на то, что батюшка сам за нас помолится и всё решит без нас и нашей молитвы к Богу. Мнение: «Пусть батюшка молится, а я кто такой?», к сожалению, не является выражением нашего смиренномудрия, а свидетельствует о том, что хочется решать свои проблемы, «свалив» их на батюшку...

Помню, лет 30 назад пришлось беседовать с одним иеромонахом, который имел многочисленных духовных чад (сейчас он – наместник одного из известных российских монастырей, но без его благословения имени его называть не буду). Этот батюшка, исходя из своего опыта, поделился однажды с нами следующими наблюдениями:

– Я, – говорит, – заметил, что духовные чада, когда духовник отвечает им на все их вопросы и недоумения, разленяются и отвыкают сами живо молиться Богу. «А зачем? – недоумевают. – Лучше спросим у батюшки...» (речь шла о мирянах). Поэтому я им теперь мало что отвечаю на их недоумения прямо, а говорю: «Давай, молись Богу о вразумлении эту неделю, и я помолюсь...» И когда человек приходит снова, спрашиваю: «Ну, что? К какому выводу пришел?» Только потом уже решаем вопрос совместно. А то ведь в противном случае получается, что батюшка не помогает, а мешает человеку приблизиться к Богу.

И я вполне согласился с ним. Сейчас, на протяжении всех последующих лет, я только убеждаюсь в верности его слов. Потому что сколько приходится встречать таких жалких примеров, когда люди под «тепличной» опекой своих наставников живут как «оранжерейные цветки»: «Не тронь меня!» Пока эти цветки сидят под теплой крышей – жизнь течет относительно спокойно, но стоит только попасть им под воздействие реальных климатических условий – тут же скукоживаются. Когда по какой-либо причине вышеозначенные люди лишаются опеки своего духовного руководителя, и им приходится сталкиваться с жизненными проблемами лицом к лицу, то они очень страдают. Страдают оттого, что не умеют правильно оценить возникшую ситуацию, не умеют принять духовно верное решение, не имеют силы противостать искушению, потому что раньше утешал, поддерживал и молился батюшка, а собственный духовный организм пребывал в бездействии. И вот итог: пришло искушение и – полная безпомощность. Смущаются, ропщут, изнемогают... Но, увы – своей ошибки зачастую не усматривают. Как тут не вспомнить слова, которые пришлось однажды услышать от одного известного священника – может быть, и резкие, но соответствующие действительности: «Духовник – это столб, который указывает путь на Небо. Если будешь у этого столба стоять, ничего не делать – так и сгниешь».

А потому человек, живя в миру или в монастыре и даже имея духовника, не должен впадать в духовную «спячку», а проводить разумную, духовно осмысленную жизнь, ибо отсутствие таковой не только делает нас духовно инфантильными, но и влечет за собой целый ряд серьезных сбоев (покривлений духовной жизни). Для наглядности рассмотрим некоторые примеры.

Сплошь и рядом приходится сталкиваться с такими скорбными случаями, когда духовные чада приходят в смущение, ропот, уныние, отчаяние оттого, что они не находят общего языка со своими духовниками, с которыми раньше общались вроде бы хорошо. А тут вдруг что-то случается: одно сплошное непонимание... И в этом, конечно же, обвиняют батюшку. Потом, как следствие, встает проблема, что нужно для окормления искать кого-то другого. И вот начинаются поиски нового духовника... И так запросто оставляют того, кто был послан им, действительно, Промыслом Божиим.

А ведь причина такого разлада в большинстве случаев заключается не в «плохом» батюшке, а в нас самих. Потому что забываем о Боге, надеясь на человека: «Спрошу у батюшки – и всё!» Но «просто спросить» еще недостаточно. Ибо, прежде чем спросить, необходимо помолиться о себе и о батюшке, чтобы Господь послал благодать Святого Духа: ему – сказать Божественную волю, а нам – понять, принять и исполнить эту волю.

Как говорит апостол Павел: «*Будьте постоянны в молитве, бодрствуя в ней с благодарением. Молитесь также и о нас* [заметьте: это говорит сам апостол Павел!], *чтобы Бог отверз нам дверь для слова, возвещать тайну Христову.... дабы я открыл ее, как должно мне возвещать*» (Кол. 4, 2-4). А мы пренебрегаем этим повелением, потому и страдаем.

Для примера приведу рассказ некой рабы Божией – З.. Господь послал ей духовного отца, у которого она окормлялась долгое время и чувствовала духовную пользу. З., живя на значительном расстоянии, приезжала к нему периодически, примерно раз в месяц. Потом в том месте, где она жила, сложился целый ряд обстоятельств, по которым З. вынуждена была уехать в город N. Переезжать не хотелось, поэтому, когда вопрос встал «ребром», удрученная З. поспешила к своему духовнику, чтобы пожаловаться ему на такое «искушение».

Приехала с полной надеждой на батюшку (а не на Бога, про Которого как бы на время забыла). Подошла и сразу завела разговор о волновавшем ее вопросе:

– Батюшка, у меня складываются обстоятельства, по которым мне нужно переезжать в город N., потому что... – и начала объяснять.

Священник окинул ее неодобрительным взглядом и, недослушав, перебил:

– Куда, куда?

– В город N.

– А-а-а... Только там тебя еще не было... – перед этим З. уже несколько раз меняла место жительства и каждый раз «допекала» духовника одним и тем же вопросом. – Ну что ж, побудь еще и в городе N...., – в голосе батюшки звучало недовольство, почти ирония.

З. смутилась. Увидела, что ответ был с «заковыркой», и поняла, что это – не благословение. Она не стала продолжать свой рассказ, ушла, начала сокрушаться: «Ну почему батюшка так поступил? Почему он так сказал? Мог бы просто сказать, что "нет тебе благословения" – и всё. А то с таким подвохом!» И до такой степени бедняга расстроилась, что решила, не дожидаясь вечернего поезда, уехать домой первым попавшимся транспортом.

Начала собирать свои вещи, но почувствовала вдруг физическое недомогание. С каждой минутой З. становилось все хуже и хуже. Она, едва добредя до дивана, свалилась без сил. Когда в таком состоянии ее увидели сестры, измерили температуру – температура оказалась сорок. О поездке не могло быть и речи...

Через неделю З. кое-как пришла в себя. Болезнь отступила, можно было потихоньку собираться и ехать домой. Но вот что удивительно: за эти дни душа З. умиротворилась. Сошла с нее «пена» обиды и ропота на батюшку, когда хотелось «выскочить пробкой». Но недоумение-то осталось. Тогда З. начала вновь размышлять о «непонятном благословении» и искать разрешение этого вопроса. В конце концов решила обратиться за советом к одной старой монахине: почему так все произошло?

– А ты, перед тем как задать батюшке свой вопрос, молилась? – неожиданно спросила монахиня.

– Нет, не молилась.

– Почему?

– Да мне и в голову не пришло. Думала, что батюшка и так скажет.

– Какая серьезная ошибка! Покайся в своем неразумии. Усердно помолись. Прочитай Божией Матери 150 раз «Богородице, Дево, радуйся», попроси Ее помощи и иди, спрашивай снова.

З. охватило сомнение:

– Может, мне спросить у кого-то другого? Боюсь подходить к батюшке с этим вопросом, как бы не досталось мне от него еще больше.

– Нет. Помолись и иди, спрашивай.

Прочитала З. 150 раз «Богородице, Дево, радуйся», попросила Матерь Божию помочь разрешить этот вопрос Богоугодно, и пошла спрашивать. На сей раз она уже подходила к своему духовнику со страхом, смущением... Думала: а вдруг он опять что-то колкое скажет или вовсе не станет слушать? С перепуту она приложила все усилия, чтобы оправдаться: дать батюшке понять, что она абсолютно не хочет ехать в город N. Но к большому удивлению, батюшка внимательно ее выслушал и ответил: «Ничего не бывает без воли Божией. Езжай. Бог благословит». И она сразу же почувствовала, что это совсем другое, чем было прежде, что это – настоящее благословение. И хотя не хотелось ей туда ехать, но она почувствовала, что на переезд есть воля Божия – смирилась и поехала.

Вот так «смирительная рубашка» на З. была надета сначала через болезнь, потом З. сама уже смирилась перед советом монахини, потом перед батюшкой, приняв его благословение, как волю Божию. И действительно, когда она приехала в город N., последовало несколько вразумлений, что есть ей воля Божия жить там. Таким образом, З. получала подтверждение правильности благословения своего духовника.

Это – пример того, как в наших смущениях во взаимоотношениях с духовниками зачастую оказываемся виноваты мы сами, а не «такие-сякие» батюшки.

Рассматривая более внимательно поднятую тему о значении молитвы в поиске вразумлений и воли Божией, нужно обратить внимание еще на один скорбный факт. Современные люди зачастую неправильно относятся к духовным руководителям и из-за этого не получают пользы или даже повреждаются в

большей или меньшей степени. Но, что наиболее скорбно, этот неправильный настрой душевредно сказывается не только на ежедневном общении с, так сказать, «рядовыми» священниками и духовниками, но и на общении со старцами. И это одна из причин, почему число старцев сегодня оскудевает, а люди, даже общаясь с теми из них, кого Бог еще являет миру, не получают от них пользы.

По этому поводу вспомнился рассказ о духоносном старце Николае Гурьянове[1], которого все знают, как несомненно благодатного, имевшего дар прозорливости. Но, тем не менее, некоторые приезжали к нему и не получали той пользы, которой удостаивались другие – именно потому, что подходили к нему с неправильным настроем.

Для примера расскажу случай, произошедший с рабой Божией Марией.

Однажды она со своими земляками поехала к отцу Николаю Гурьянову на Псковский остров Залит, чтобы решить проблемы. С великим трудом добрались они туда, переправились через озеро, высадились на берег и пошли к домику, где жил батюшка. Молодые и проворные поспешили вперед, чтобы первыми занять очередь и быстрее попасть к отцу Николаю, а Мария и ее подруга побрели потихоньку. Наконец они оказались перед храмом. Что делать? Искать домик отца Николая или помолиться сначала в храме? Решили: «Зайдем сначала в храм». Зашли, поставили свечи, помолились, излили пред Богом все свои недоумения и скорби и после этого пошли к отцу Николаю. Приходят, смотрят: все люди стоят у калитки и ждут. Встали в конец очереди...

Через некоторое время вышла батюшкина келейница и сказала:

– Сегодня отец Николай принимать не будет, он очень плохо себя чувствует.

Люди опечалились:

– Мы приехали издалека, с таким трудом... Что же нам теперь делать?

Многие все-таки остались стоять. Через какое-то время вышел отец Николай и благословил всех общим благословением. Потом вдруг посмотрел по сторонам, отыскал взглядом Марию с ее подругой, и зовет: «Идите сюда!» Они подошли. «Проходите в дом». Завел их

двоих в комнату и целый час с ними беседовал. Они рассказали ему всё, с чем приехали. Батюшка их утешил, наставил, а в конце спросил:

– А знаете, почему я вас принял, несмотря на болезнь?

– Не знаем, батюшка...

– Потому, что вы, когда прибыли, зашли в храм и обратились со своей скорбью к Богу. А все остальные пришли прямо ко мне – к человеку, забыв о Боге.

Заметьте: старец лежал больной у себя в доме. А Господь в духе открыл ему, что этих двух (незнакомых ему!) женщин нужно все-таки принять, потому что они ищут Бога: они не спешили как можно скорее попасть к старцу, но зашли в храм, излили свою скорбь пред Богом и только после этого пошли уже за помощью к человеку. А для остальных Податель всех благ Бог оказался как бы на заднем плане – они искали только человека-чудотворца. И за это Господь лишил их Своего утешения.

Вот наглядный пример духовной болезни современной паствы – забвение Бога и леность к молитве. По легкомыслию мы часто неправильно относимся к Богу и неправильно относимся к человеку, даже духовному, чудотворцу, движимому Духом Святым – так что даже он не может нам помочь. И эту болезнь, мне думается, каждому из нас полезно будет внимательно рассмотреть и затем проанализировать себя – насколько она в нас присутствует. Потому что я, например, тоже в этом был повинен: когда ходил к старцу отцу Серафиму (Романцову).

Бывало такое. Вот возникло недоумение, или как еще сегодня это модно называть – «проблема», за разрешением которой необходимо обратиться к старцу. Еду в город. Но не столько молюсь Богу, чтобы Он избавил меня от этого искушения через старца, сколько думаю о предстоящей встрече. Фактически, предаюсь фантазиям: как я попаду к старцу, что буду ему говорить, что он, возможно, мне скажет... что я ему отвечу, какие могут быть последствия... И вот с такими мыслями прихожу в дом к батюшке. А его послушница (келейница) меня не допускает. Я прошу ее, говорю, что у меня серьезное искушение, что мне непременно нужно поговорить со старцем. Но она перед моим носом закрывает ключом дверь на два оборота... Все просьбы и мольбы остаются безрезультатными. Иду со скорбью в дом матушки Ольги, где принимали таких, как я. Сам в себе ропщу на послушницу: «Я приехал специально. С таким риском! Милиция везде хватается за каждую бороду... – ведь это было при советской власти, в те времена к монахам и священникам относились как к «врагам народа», как к преступникам. – Приехал с таким риском!.. С таким напрягом пробирался по улицам города! А она передо мною закрывает дверь на два оборота! В чем я провинился перед нею, что она меня не допускает к старцу?! Да как она вообще смеет?! По какому праву?!» – и всё прочее в

[1] Протоиерей Николай Гурьянов (1910-2002), известный российский старец, исполненный многими благодатными дарами. Последние 44 года своей жизни подвизался на оторванном от цивилизации острове Талабск, более известном в наше время как остров Залит *(прим. ред.)*.

таком духе, т.е. ропот «на всю катушку». И нет мысли о том, что на самом деле здесь совершается Промысл Божий.

Пришел на квартиру, начал жаловаться. А хозяйка на это говорит: «Не переживай. Ты помолись побольше перед тем как идти к старцу». Закрылся я в предоставленной мне комнатке, покаялся в том, что мало молился, много фантазировал и роптал на батюшкину келейницу. Помолился усиленно. Через пару дней пошел к батюшке снова. И уже на этот раз всё хорошо получилось – никто не воспрепятствовал. Пришел к батюшке, он меня принял, я рассказал ему все свои скорби и недоумения, он разрешил, благословил. Тогда уже пошел от него облегченный – как на крыльях полетел.

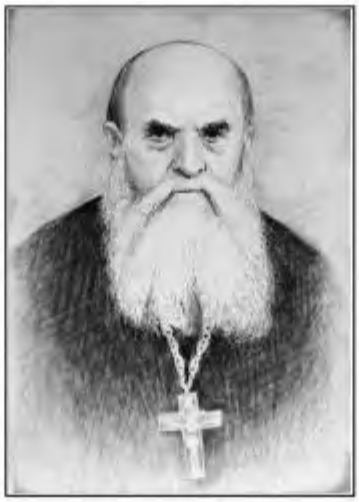
Вот такие бывают разные подготовки и разные последствия.

К сожалению, у нас сегодня подобный настрой – не молитвенный, а человеческий (душевный) – проявляется часто. Если же духовное чадо женского пола, то у нее искушения в этом плане еще сильнее, так как женщина по своей природе еще более склонна надеяться на человека, нежели на Бога (будучи созданной как помощница мужу своему).

Вот какое существует в духовной жизни препятствие получить духовную пользу не только от «рядового» священника, но даже и от благодатного старца. И это нужно иметь в виду.

Так что сама постановка вопроса «имеем ли мы право на молитву» в корне неверна. Вот ты говоришь: «Хорошо, если у кого есть надежный советник – например, опытный духовник...» Как видишь, даже этого недостаточно. А потому вывод мы должны каждый сделать для себя такой, что все случаи жизни, которые бывают с нами ежедневно, ежечасно, мы должны решать в молитвенном духе, в сердечной прилепленности ко Господу, в искренней, детской, доверчивой надежде на Бога, а не на себя или другого человека, ибо, как сказано, «всяк человек ложь». Всякий человек – это слепое орудие в руках Божиих. И если что-то не получается в наших благих начинаниях, мы должны обвинять самих себя, а не кого-то или что-то.

Нужно крепко-накрепко усвоить себе следующее духовное понятие: «**Всё то, что мы без молитвы говорим или делаем, бывает впоследствии или погрешительно, или вредно, и обличает нас через дела**» – разумеется, испорченные.[2] И потому всякое дело мы должны начинать, продолжать и заканчивать молитвой.



Схиархимандрит Серафим (Романцов; † 1976)

Это что касается взаимоотношений с духовниками. А насчет батюшки, который смутил тебя своим высказыванием...

Не смущайся на него за то, что он так сказал – «какая ваша молитва?» Потому что это вам с N. – очередной урок. Преподан он Промыслом Божиим для того, чтобы вы навыкали смирению – как говорил схиархимандрит Виталий: «на свою молитву никогда не надо уповать», а с другой стороны – утверждались в духовном делании надежды на Бога и прилепленности к Нему во всех обстоятельствах.

Вопрос: *Ничего себе «утверждение»! Это же наоборот – подлом!*

Ответ: Нет. Как я уже говорил, все подобные искушения, которые нас постигают через обстоятельства, **все до единого** находятся под неусыпным Промыслом Божиим. И они нам попускаются для того, чтобы мы усовершенствовались и утвердились в какой-либо добродетели.

Чтобы тебе было понятнее, о чем идет речь, приведу такой образный пример. Когда мы закапываем в землю столб, то что мы обычно делаем, чтобы он стоял крепко? Мы ставим столб в приготовленную яму, засыпаем яму камнями, землей и затрамбовываем. Потом изо всех сил расшатываем вкопанный столб, образовавшиеся щели заполняем мелкими камешками и снова трамбуем. И после этого столб стоит уже непоколебимо.

Так что через того батюшку для тебя и для N. по Промыслу Божию было произведено вот такое «расшатывание» и «трамбование». Это было нужно вам для того, чтобы вы прошли через боль, смущение, скорбь, осознали свои ошибки, все это «переварили» в самих себе и еще более утвердились в том, о чем сказал Господь: «*Призови Мя в день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя*» (Пс. 49, 15).

Преподобный Марк Подвижник говорит: «Любовь ко Христу испытывается противностями». А молитва и является проявлением веры, надежды и любви ко Господу. Тем паче сегодня в наших бедствиях мы должны не просто молиться, а **вопиять** из глубины мрачного рва страстей и бед, как было открыто о том преподобному Пахомию Великому. Нет у нас, последних христиан, искусных наставников, а недоумения, скорби и напасти умножаются, поэтому единственная наша надежда – «умиленными гласы» вопиять ко Христу...

Вопрос: *А какой этот «вопль» может быть по качеству? Мы ведь такие немощные – если бы мы были подвижники, если бы опыт молитвенный у нас был, как сказал тот батюшка...*

Ответ: Да, мы действительно немощные в молитве, но если молимся со смирением, то нередко получается то, что происходит в семье с больным ребенком. Ему отец и мать уделяют внимания несравненно больше, нежели здоровым детям. Так и Господь печется о всякой душе, которая немощна, которая болезнует, не знает куда идти, что делать... Господь проявляет особое милости-

[2] Преподобный Марк Подвижник «О тех, кто думает оправдаться делами», слово 2, № 108 *(прим. ред.)*.

вое попечение о такой скорбящей душе – не по ее достоинству, а по жалости, потому что иначе она куда-то впадет, в какие-нибудь большие бедствия. Именно по жалости и любви к нам Господь снисходит к нашей немощи.

Вопрос: *И слушает наши молитвы?*

Ответ: И слушает наши молитвы, и необходимое для нас исполняет. Порой даже чудесно, явно исполняет. На всё святая воля Божия – Он может и тайно исполнить, а может и явно показать Свою милость для укрепления нашей веры. Но хоть явно, хоть не явно – это всё в Промысле Божием.

Вопрос: *Значит, это реальная духовная жизнь?*

Ответ: Да, это реальная духовная жизнь и реальное христианство. Господь глубиною мудрости всё устрояет и полезное каждому подает по его потребе. Но только сегодня это чаще бывает не в таких чудесных проявлениях, как читаем, например, в Деяниях апостольских, а более в промыслительных обстоятельствах, которые складываются как бы «сами собой», разрешая наши недоумения и выводя нас из затруднительных ситуаций.

Вопрос: *Значит, упомянутый батюшка был не прав?*

Ответ: Не будем судить батюшку – прав он или не прав. К тому же, одной фразы недостаточно, чтобы понять его мнение о молитве вообще. Вероятнее всего, батюшка так сказал, чтобы вы с N. не «козыряли» своей молитвой, а больше смирялись бы.

Вопрос: *Но только правильно смирялись?*

Ответ: Да. Чтобы не получилось, что махнули рукой: «А, какой из меня молитвенник!..» и забросили молитву, надеясь на «кого-то» или «что-то». Ведь что дыхание для тела – то молитва для души. Молитвой мы прилепляемся к Богу, и этим живет наша душа, хотя она и не имеет ничего доброго – «бедна, слепа и нага». Но что имел благоразумный разбойник, сказавший: *«Достойное по делом восприемлем... Помяни мя, Господи...»*? И Господь не презрел этой его малой молитвы. А потому нужно укрепляться в своем доверии Богу, т.е. в вере в то, что если мы молимся, значит, Бог слышит нас и сугубо заботится о нас. Ему же слава и благодарение во веки веков.

История Иоанно-Казанского Сезеновского монастыря

Часть 6

Благосостояние Сезеновского Иоанно-Казанского монастыря, помимо пожертвований благотворителей и многочисленных паломников, прежде всего обеспечивалось монастырским землевладением. При первой настоятельнице обители принадлежало до семисот десятин земельных угодий. Одна из последних благотворительниц монастыря — княгиня Юсупова — пожертвовала Сезеновской обители еще пятьдесят десятин земли, заливной луг и леса. Обработка полей под рожь и пшеницу, кормовые культуры, огородничество, садоводство, содержание коровников для получения молочных продуктов — все это создавало основу для самообеспечения монастырского хозяйства. Для переработки зерновых культур имелась ветряная мельница лучшей механики, крупорушка и просорушка. Собственными усилиями насельницы обители возделывали два монастырских сада (верхний — за южной монастырской стеной и нижний, находящийся в некотором отдалении), вырыли пруд. На земельных угодьях монахини также работали самостоятельно, приглашая жителей села лишь на покос, вязали же сено сами. Рабочая страда начиналась после летней Казанской (21 июля), когда приходила пора жать рожь. Особенно хорошо было поставлено в монастыре молочное хозяйство.

Для хозяйственных нужд в монастыре, недалеко от Христорождественского храма, был устроен особый колодец, вода из которого подавалась с использованием конной тяги. Вода же в Сезенове, где жили крестьяне, была на вес золота, так как ее приходилось возить бочками из родников, находящихся в логах, на гору (вода из речки Сквирни годилась лишь для домашнего скота и полива огородов).

От обители инокини получали только пищу. Все же остальное, необходимое для проживания, они должны были добывать себе сами, поэтому в монастыре много работали. Здесь занимались рукоделием: вышивали церковные облачения, плели кружева на коклюшках.

В монастыре имелась иконописная мастерская, где инокини под руководством опытных живописцев копировали иконы с оригиналов. При этом некоторые работали самостоятельно. В иконописи художницы-инокини достигли больших успехов: в монастырских храмах находилось немало икон их работы, все стены главного Казанского храма были украшены живописными картинами и иконами местного письма, что при наемной работе потребовало бы затрат на тысячи рублей. Например, в 1896 году, во время ремонта Троицкого храма, вся стенная живопись была поновлена именно сезеновскими мастерицами. В мастерской осваивалась и техника золочения, благодаря чему мас-

теров для позлащения глав сезеновских церквей со стороны не приглашали.

Иконописное дело достигло расцвета при главной руководительнице П. И. Милютиной и ее помощнице — монахине Евфросинии, под руководством которых несли послушание двадцать художниц-инокинь. Помимо икон монахини писали и портреты, а также несложные пейзажи. По замечанию видевших этих работы: «Живые впечатления помогали преодолеть ремесленные штампы и избежать заученности и схематизма манеры письма».

На высоком художественном уровне находилось монастырское ремесло ковроткачества. На специальных станах ткались ковры различных размеров: от 90х70 сантиметров до 2х3 метра. Яркие ковры работы сезеновских монахинь являлись обязательным украшением свадебного приданого во многих селах Тамбовской губернии. В качестве наиболее характерного рисунка использовались растительные орнаменты, главным образом — розы, обрамленные пышной зеленью и вставленные в контрастное черное поле ковра. Использовались также сюжетные композиции, заимствованные у профессиональных живописцев, например, «Утро в сосновом бору» И. И. Шишкина. Ковры выполнялись в технике узорного ткачества из крашенных вручную шерстяных ниток. Изготовлением ниток занимался особый прядильный цех, овечью шерсть для которого закупали. Изделия сезеновских монахинь пользовались большим спросом и в Москве, где для их продажи в Гостином дворе на Красной площади, у Никитских ворот, имелась специальная лавка.

При самом монастыре в дни памяти блаженного Иоанна устраивалась ярмарка, на которую во множестве собирались жители окрестных сел. Ярмарочную площадь заполняли торговые палатки с разнообразными товарами, для развлечения молодежи устанавливалась карусель.

Монастырь вносил свою лепту в реализацию государственной задачи введения всеобщего начального образования. Для этой цели в монастыре имелось женское учебное заведение для сирот, с прогимназическим курсом. Согласно «Списку духовенства Тамбовской епархии на 1876 год: "Монастырь содержит учрежденный в нем детский приют, в котором находятся 11 девочек"».

Согласно Положению о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения от 1870 года, к обязательным предметам в трехклассных прогимназиях относили: 1) Закон Божий; 2) русский язык (объяснительное чтение и начальные основания грамматики); 3) русскую историю и географию в сокращенном объеме, с присоединением географического обзора всех частей света; 4) арифметику (первые четыре действия над целыми числами, именованные числа и понятия о дробях, с возможно практическим приспособлением к ведению счетов); 5) чистописание. А кроме того — рукоделья, необходимые в обыкновенном домашнем быту. В целом, в сезеновской обители придерживались этого рекомендованного курса, добавив обучение пению. Что же касается обучения рукоделью, то под руководством опытных наставниц девочки учились вышивать и вязать кружева.

Педагоги и воспитанницы монастырского приюта

Помимо сирот в приюте содержались и обучались девочки-послушницы из бедных крестьянских семей, не имевших иной возможности содержать и обучать детей. По окончании училища они или уходили в мир, или оставались в монастыре, пополняя число послушниц, а затем и инокинь, общее число которых к моменту революционного переворота 1917 года достигало, как считается, полутысячи или даже более.

Октябрь 1917-го и последующие годы гражданской войны стали началом конца процветшей в Сезеново иноческой общины. Впрочем, ее основатель — затворник Иоанн, чудотворец Сезеновский, задолго до создания обители предсказывая ее славу и процветание, предвидел и печальный период разорения. Когда послушник затворника, Иван Бирюков, вбивал кол на окраине гумна, очерчивая по указанию блаженного будущие границы монастыря, Иоанн сказал ему: «Здесь будут звонить колокола, здесь будет стоять монастырь, но потом его разрушат». Указывая на расположенный неподалеку сад, подвижник продолжал: «Эти деревья потопчут, ворота будут распахнуты, и кругом будет много народа».

По воспоминаниям местных старожилов, в 20-е годы XX века жил в Сезенове юродивый Тимофей. Он ходил всегда босой; люди запомнили его переминающимся с ноги на ногу на паперти храма. Тимофей

ходил по монастырю и приговаривал: «Вот ударю кнутом, всех галок разгоню», называя галками монахинь и предсказывая окончательное разорение уже изрядно имущественно стесненного монастыря.

Последним годом существования Сезеновской обители стал 1930-й. Вот что говорится в протоколе N 4 состоявшегося 16 мая 1930 года заседания комиссии по церковным делам, действовавшей при облисполкоме ЦЧО: «36. О закрытии 2-х женских монастырей Сезеновского Иоанно-Казанского в с. Сезеново и Троекуровского в с. Троекурово Лебедянского района Елецкого округа.

Постановили:

В соответствии с пожеланиями населения, нарушением верующими условий договора и отказом верующих от пользования церквами — расторгнуть договор с верующими и монастыри ликвидировать, использовав здания для местных общественных нужд. Постановление провести в жизнь с точным соблюдением ст. 36 и 37 закона о религиозных объединениях» (ГАТО Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 118. Л. 14).

После закрытия все монастырское имущество распродавалось с торгов, многие жители окрестных сел Лебедянского монастыря района и сейчас хранят в своих домах вещи, принадлежавшие ранее обители.

На монастырскую территорию согнали безпризорников со всего района, которые, проживая здесь, не только не заботились о порядке и чистоте, но, наоборот, положили начало разрушению — они завалили святой колодец колесами от телег и прочим мусором, наносили много хлама во двор обители. Впоследствии святой колодец был заложен стеной и засыпан сверху землей так, чтобы невозможно было найти даже его место.

В результате советского «хозяйствования» оказался безвозвратно утрачен Казанский храм, след которого читается только в очертаниях фундамента на рельефе монастырского холма. Главный храм обители был разрушен под предлогом использования кирпича для «строительства социалистического хозяйства». Сбросив колокола с колокольни, Казанскую церковь взорвали. Службы стали проводить в холодном Троицком храме зимой и летом. Советская власть запретила сезеновской церковной общине иметь своего священника, приезжий батюшка служил нечасто. Сообщается, что с 1933 года службы перестали проводиться совсем. Последний, видимо, сезеновский священник — отец Василий Климентов — 19 января 1938 года был приговорен Рязанским областным судом к 10 годам лишения свободы по ст. 58-10-1. Старожилы вспоминают и некоего «иерея Иоанна», высланного в Среднюю Азию.

Что же касается насельниц, то многие покинули обитель еще до закрытия, вернувшись в места, откуда были родом, а некоторые оставались вплоть до самого закрытия монастыря и после этого, впрочем, не оставив намоленные места. Именно они, судя по всему и стали первыми жертвами машины репрессий. Так, 15 июля 1931 года по ст. 58-1, 58-2 постановлением тройки ПП ОГПУ по ЦЧО были приговорены к ссылке на 3 года сезеновские монахини Евфимия Ивановна Иванова и Евфимия Захаровна Струкова. В августе-октябре следующего года к 5 годам лишения свободы каждая по статье 58-10 были осуждены Агриппина Герасимовна Бочарова, Елена Андреевна Ильина, Анисья Филипповна Калинина и Феодосья Егоровна Лагункова. В 1933 году была арестована и условно осуждена Мария Никаноровна Сергеева. Послушница Надежда Павловна Андреева, покинувшая обитель в 1928 году, в 1937 году была арестована в родном селе Романово и 30 декабря была осуждена на 8 лет пребывания в исправительно-трудовых лагерях. И это лишь те, о ком хоть что-то стало известно из сохранившихся документов.

Впрочем, некоторым из бывших сезеновских насельниц, по воспоминаниям старожилов, удалось пережить годы репрессий и стать свидетелями печальной судьбы некогда красивейшего монастыря, намеренно разрушенного и оскверненного безбожной властью.

Ковер и крестильные рубашки монастырской работы

По материалам книги «Сезеново и его подвижники». Тамбов, 2007.

Валерий Лялин

И БЫЛО В ТОТ ВЕЧЕР

Рассказ

Уже вечерело, когда мы вместе с безруким лейтенантом тайно вышли в самоволку из военного госпиталя, находившегося в центре Иванова. В этом госпитале, старинном кирпичном здании бывшей женской гимназии, довольно строго преследовали и наказывали за самовольные отлучки в город, но нам, искалеченным, уже нечего было терять, тем более что мы уже были накануне выписки.

Я направлялся на окраину города, где в деревянном просторном доме меня ждали мать, братишка и сестра, эвакуированные полуживыми из блокадного Ленинграда по льду Ладожского озера.

На город надвигались осенние сумерки, и стояла промозглая погода с мелким холодным дождем. С лейтенантом мы расстались у серого деревянного забора психиатрической больницы. За забором слышались крики и вопли, вероятно, больных загоняли в палаты после вечерней прогулки. Из щелей и дыр в заборе торчали просунутые по локоть худые синие руки больных. Это голодные психи просили у прохожих милостыню. Мелкий дождь перешел в мокрый снег, который оседал и таял на ладонях больных и был, пожалуй, единственной милостыней в эти протянутые руки. Да и откуда у прохожих была возможность подать милостыню? Это был голодный город военного времени.

Мой путь пролегал через рынок, который бурлил до поздней ночи. Продавцы здесь стояли рядами с однообразным товаром. Главный ряд состоял из торгующих выкупленной по талонам водкой. Мокрые и замерзшие женщины трясли бутылками, показывая покупателям возникающие в горлышке пленки, что должно было быть доказательством, что водка качественная. Без покупателей они не оставались. Покупатели тоже трясли бутылку и, отсчитав смятые рублевки, прятали бутылку в карман. А вот ряд с буханками ржаного хлеба. Хлеб был свежий, с хрустящей корочкой, и издавал чудный, присущий только свежему хлебу запах. Но к этому хлебу не очень-то подступишься, он был дорогой. Самым большим, в два ряда, коридором был участок торговок одеждой. Они стояли, вытянув руки, на которых висели брюки, пиджаки и рубашки, а на головах поверх платков красовались кепки, фуражки и шляпы. В основном это были женщины-вдовы, которые продавали одежду своих погибших на фронте мужей. Это был скорбный ряд, и покупателей здесь было мало.

Дом, в котором жила моя мать с детьми, стоял на краю оврага, где внизу теснились домики и огороды казанских татар. В нашем доме, в верхней светелке, жил и мой двоюродный брат Феликс. Имя его означает «счастливый», но это было просто насмешкой судьбы. Он только что вышел из тюрьмы, где сидел за воровство, и доживал последние дни, страшно кашляя по ночам и выхаркивая кровавые ошметки легких. В тюрьме он проиграл в карты два передних зуба, и улыбка его на обтянутом бледной кожей костлявом лице была жутковата. В тюремной больнице врач сказал, что он может еще поправиться, если будет хорошо питаться, например, часто есть куриный суп. И он старался. Каждое утро он забирался с удочкой в сарай и, насадив на крючок наживку и немного приоткрыв дверь, караулил легкомысленных татарских кур, которые поднимались из оврага и гуляли по нашему двору.

— Ти, ти, ти, — слышался из сарая завлекающий и многообещающий зов Феликса.

Доверчивые куры, опережая друг друга, спешили к полуоткрытой двери. Тут охотник выкидывал из сарая крючок с наживкой, и жадная курица-вострука поспешно склевывала наживку. Тут уж охотник не зевал, быстро делал подсечку, молниеносно втаскивая жертву в сарай, и скручивал ей шею.

Наевшись жирного куриного супа и набравшись сил, он шел в отделение милиции, согласно строгому предписанию, чтобы отметиться. Как и у всех чахоточных больных, у него была большая надежда на поправку, но недолго он протянул. Как только весной на реке тронулся лед, так с вешним льдом ушел и Феликс в ту страну, где нет ни тюрем, ни куриного супа, ни водки, ни курева.

В доме меня встретили радостно. Дети бросились ко мне обшаривать карманы. Я дал им по два куска сахара, которые оставил от утреннего чая. Мать мне предлагала поесть каши из пшеничных зерен с горьким льняным маслом. Эту кашу она называла «дубовой», но я отказался, чтобы зря не объедать их.

— Знаешь, Валя, — сказала мать, — сегодня к нам придут люди и священник на молебен и панихиду. Только ты об этом молчи и не говори никому.

Мы с ней посидели. Она показала мне письмо от отца, который был на Ленинградском фронте и сейчас лежал в госпитале, где лечился от цинги и последствий голодной дистрофии. Скоро в дом стали собираться молодые и пожилые женщины. После всех пришел старичок священник. Он первым делом попросил завесить окна. Зажгли керосиновую лампу, и не потому, что в городе не было электричества, но потому, что у нас в доме был исчерпан месячный лимит на электроэнергию, которой много уходило на электроплитку: на ней Феликс в горнице варил себе куриные супы. Священник снял пальто, и я увидел, что под пальто у него была надета ряса, полы которой были завернуты на плечи. На молебен собралось двенадцать молодых и старых женщин, или, как говорят в Иванове, — женок, со

своими надеждами и скорбями. Надеждами на жизнь близких на фронтах и скорбью о тех, на которых пришли похоронки из фронтовых канцелярий, где было написано: «Пал смертью храбрых».

Мать застелила стол белой льняной скатертью. Священник положил на него, вынув из саквояжа, требник, целовальный крест, Святое Евангелие, кадило и коробочку с ладаном. Впрочем, это был не росный ладан из Ливана, а русский ладан времен гонения на Церковь, с крепким и приятным запахом. Это были застывшие янтарные слезы, катившиеся по стволам наших еловых лесов. Вперед вышли и встали три старушки, искусные в церковном пении, и приготовились, поглядывая на батюшку. Батюшка надел на шею епитрахиль и начал молебен. Это было молебное пение против супостатов, нашедших на нашу страну. Батюшка, тронув пальцами свой наперсный крест, негромко провозгласил:

— Благословен Бог наш, всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Все осенили себя крестным знамением. Старушки вполголоса запели «*Царю Небесный, Утешителю...*» Пропели: «*Спаси, Господи, люди Твоя...*»

Батюшка замолк, остановил хор и послал одну из женок на двор осмотреть кругом дома, нет ли там какого соглядатая. Наступила пауза. Все молчали. Вскоре женка вернулась и сказала, что кругом все спокойно. И молебное пение продолжалось. Когда батюшка читал Евангелие от Матфея, зачало двадцать первое: *Рече Господь: просите, и дастся вам; ищите, и обрящете, толцыте, и отверзится вам*, — все благоговейно припали головами в белых платочках к полу в земном поклоне. Из светелки со свечкой в руке выглянул Феликс, посмотрел, ухмыльнулся и снова убрался в свою комнату.

Проникновенно, с любовью, батюшка прочитал записки за здравие с именами воинов. Окончив молебен, для панихиды батюшка раздул кадило, положив туда еловой смолы, и густой синеватый дым клубами поднимался к потолку. Вскоре из светелки с кашлем выскочил Феликс и стал кричать, что его хотят уморить. Мать успокоила его и

отослала прогуляться на улицу. Начав панихиду, батюшка запел на восьмой глас тропарь: «*Глубиною мудрости человеколюбно вся строя и полезное всем подаваяй...*» В конце панихиды, перечислив по заупокойным запискам имена воинов, на фронте за *други* своя живот положивших, батюшка закончил панихиду, вытряс из кадила в таз с водою зашипевшие угли и сложил в саквояж книги и целовальный крест. Двое женок, попрощавшись, ушли домой, оставшиеся вместе с батюшкой сели за стол. Мать внесла и поставила на стол кипящий самовар, разложила чашки и блюдца. Сахара и чая тогда и в помине не было. Вместо чая заваривали сушеную морковь или лист смородины с мятой. Вместо сахара мать насыпала в чашки немного порошкового сахарина. Все женки развязали принесенные узелки и разложили на столе все, чем были богаты. Здесь были темные ржаные пироги с картошкой, коричневые сухари, и нарезанный кусками застывший гороховый кисель, и вареная картошка в мундире, и белый искусственный жир, называемый «лярд», и куски ржаного пайкового хлеба, и даже яичный порошок из Америки, который женки сыпали на хлеб. Это были яства военного времени. Мать принесенное разделила всем поровну, и агапа или вечеря христианской любви, началась.

Батюшка прочел за трапезой молитву и благословил ястие и питие. А мать мою батюшка во время трапезы назначил читать в Четьих житие святого апостола Фомы, так как был его день — девятнадцатое октября. Остальные молча, слушая житие Фомы-близнеца, приступили к трапезе. Посреди трапезы, когда на дворе уже была темень, вдруг в окнах задрожали стекла от орудийного грохота. Батюшка приподнял занавеску, и было видно, как ночное небо озарялось разрывами снарядов и по небу неровно шарили лучи прожекторов. Это зенитные батареи вели заградительный огонь по немецким самолетам, направляющимся бомбить горьковские и сормовские военные заводы. Ивановские ткацкие фабрики они оставляли без внимания и, слава Богу, не бомбили. Когда все утихло, батюшка проникновенно заговорил:

— Чада мои дорогие, сегодня в этом доме мы тайно собрались на молебен и агапу — сиречь вечерю христианской любви, как это делалось в подземных катакомбах Древнего Рима первыми христианами при жестоких языческих императорах, когда христиан казнили или отправляли в цирк на растерзание диким зверям на потеху римской черни. Нам тоже за это небольшое собрание грозит наказание от советских властей: меня — в лагерь, где я уже отсидел один срок, а вас уволят с работы и тем лишат хлебной рабочей карточки. Но, милые мои, слышал я радостную весть, что ныне восходит заря церковной свободы. Иосиф

Сталин однажды ночью вызвал к себе трех наших еще оставшихся в живых митрополитов и как будто разрешил вновь открывать Божии храмы, выпустить из заключения священников и соборно избрать Патриарха всея Руси. Официально это пока в газетах не объявлено, но верные люди, приехавшие из Москвы, принесли мне эту благую весть. Возрадуемся и возвеселимся днесь. Господь услышал наши молитвы и увидел нашу скорбь. Посмотрите, что делается в вашей Ивановской области: все храмы разграблены, осквернены и закрыты. Народ остался без хлеба духовного в такое тяжелое время войны и скорбей. До революции я служил в большом чудном храме в Старой Вичуге. Храм был возведен на пожертвования купечества. Стены сияли замечательной росписью, под куполом была большая надпись золотом: «Чистые сердцем Бога узрят». Что же сейчас представляет из себя этот храм? Горе горькое, мерзость и запустение. И если эти слухи из Москвы окажутся верными, то, Бог даст, я еще послужу в своем родном храме.

Вот, пожалуй, и все о христианской агапе тех далеких скорбных военных времен в далеком от фронта тылу. И жаль, жаль мне добрый, кроткий и доверчивый русский народ, понесший неисчислимые жертвы в кровавом и безжалостном XX веке. Миллионы молодых женщин, состарившись, не оставив потомства, ушли, исчезли с лица земли, так и не дождавшись погибших на фронтах своих мужей. И матери тоже сошли в могилу, оплакивая своих не вернувшихся сыновей. Горькая, горькая у тебя была судьба, Русь, в XX веке. И я молю Бога, чтобы эта эпидемия бед, несчастий и скорбей не перешла из XX века в XXI век, чтобы русский народ вновь обрел утраченную силу и нашу святую Православную веру, которая силою Святой Живоначальной Троицы, Словом Господа нашего Иисуса Христа под Покровом Пресвятой Богородицы возродилась, окрепла, просияла красотой и влилась бы в душу народную, чтобы народ жил и процветал на многия, многия лета.

ВАЛЕРИЙ ЛЯЛИН
«КУДА ВЕДУТ ДОРОГИ»

Христианская поэзия

ПОКАЯНИЕ

Вот завершена дорога...
Грустный вечер у порога,
И окончен день труда.
Не суди, Спаситель, строго! —
С чем я предстою пред Богом,
Много ли принёс плода? —

На смоковнице безплодной
Только листья шелестят...
Раб ленивый, сын негодный,
С сердцем жёстким и холодным,
Долго ль будешь почивать?

О, душа, восстань, что спишь ты, —
Для того ль сотворена?
Пчёлки, муравьи и мыши —
Вот пример тебе[1]... Не слышишь,
Как зовёт Спаситель нас?

Позабыв свои обеты,
Тьму ты называешь светом;
Истины презрев пути, —
От Господнего завета
На лукавые советы
Сколько раз склонялась ты?..

Где же «Господи, помилуй»? —
В сердце колокол умолк.
Искушенье наступило, —
Предалась ты тёмным силам,
И несёт овечку волк...

Вспомни первое горенье,
В послушаньи и смиреньи
В келью сердца возвратись.
Преклони в тиши колени,
Со слезами умиленья
Ко Спасителю молись, —

Да очистит, да омоет!
Он под сенью крыл Своих
Душу грешную укроет,
И введёт ее в покой Он,
По молитвам всех святых...

Юлия Шевченко,
г. Воронеж

[1] См. Притчи Соломона 6, 6-8; 20, 24-26 (как образец прилежания и трудолюбия).

Наступает Великий пост,
Береги свою душу, друг.
Пусть смиренен будет и прост
Твоей временной жизни круг.
Ты оставь суету и лень,
От греха отведи глаза,
Чтобы в страшный свой
судный день
«Слава Богу!» — ты мог сказать!

Марина Шабанова,
г. Санкт-Петербург

— Отец! Отец! Как мне спастись? —
паломник старца вопрошает.
— А ты молись, сынок, молись.
Господь скорбящих утешает.
— Молитв не знаю. Со стыдом
признаюсь, отченька, я в этом...
А в теле — хворь, в душе — содом.
Уж не проститься ль с белым светом?!
— От этих мыслей убегай!
— Куда бежать?
— А в храмы, к Богу.
— Увы, закрыты двери в Рай...
— А ты толпы, кричи, взывай!
На Бога с верой уповай.
Укажет Он тебе дорогу.
Уйдет печаль. Как ты ни плох,
верь — и тебе поможет БОГ!..

Монахиня Мария (Мернова)

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ОВЕЧКА

Притча

Одна овечка решила, что пастуха ей не нужно. Она уже давно знает сама, как пастись. Однажды овца потихоньку свернула в сторону от остальных и пошла своей дорожкой, и стала искать сочную травку. Действительно, ей начали попадаться прелестные травы и заманчиво-пахучие цветы. А дальше – удобные склоны, просторные лужайки. Там она покормилась, тут повалялась. Хорошо без провожатых, без тех, кто учит! Много ума у овечки, всё-то она понимает, всё видит. Волков бояться – в лес не ходить!

А между тем, волк бродил где-то рядом. Уж и следы его стали встречаться, на репейниках шерсть его линялая клочьями висит. Заблеяла овца и пустилась в страхе бежать. Что такое? И троп знакомых не видно – только пропасти и водопады под нею, только нагромождения камней вокруг. Пахнет кислым волчьим дыханьем. А в высоте уже и стервятник появился, чуя поживу.

«Все равно, – думает овечка на бегу, – глупые, глупые овцы, подружки мои, а уж про баранов и говорить нечего! Шагу без пастуха не могут сделать, а так гордо выступают! Я-то сейчас от волка уйду и снова найду тропинку в светлую долину».

Но ошибалась овца. Бездны под ногами её все круче и погибельнее, а небо тучами затянулось, ветер волнами пошёл по кустарникам, рассвирепел вконец и, срывая листья, уносит в безмерную неизвестность. Стало темно. Молния упала с неба и ударила в одиноко стоявшее дерево, которое тотчас вспыхнуло факелом.

«Плохо, плохо одиноким!» – вдруг пронеслось в овечьей голове, и тут ахнуло громом так, что овца подпрыгнула, а показалось ей, что это горы ушли из-под ног. «Гибну!» – подумала она.

– Где-е-е, где ты, пастырь мой! – так она возопила, и глаза её наполнились слезами.

Если бы кто увидел, как плакала она, сам бы разрыдался. Упала овца на коленки, звала пастуха и говорила, что больше не будет.

И тогда он появился и смотрел на неё.

– Где же ты был? – плакала она.

– Да здесь, здесь я был, недалеко. Но я не нужен был тебе, вот и не подходил. Идём!

И пошёл вперед, и она сразу увидела узкую стёжку, которую, сколько сам ни высматривай, всё равно не заметишь.

А. ХУДОШИН
«РАССКАЗЫ О ПРОСТОМ И ЧУДЕСНОМ»